

ОТ АВТОРА РОМАНА «ЛЕГЕНДА»

МЭРИ ЛЮ

ОБЩЕСТВО
РОЗЫ

СЮЖЕТЫ «ИГРЫ ПРЕСТОЛОВ» И «ЛЮДЕЙ X»
ПЕРЕПЛЕТАЮТСЯ В ФЭНТЕЗИ МЭРИ ЛЮ, ГДЕ ДЕЙСТВИЕ
ПРОИСХОДИТ В XIV ВЕКЕ И ГДЕ СТРАХ — ЭТО СИЛА.

SHelf AWARENESS

Annotation

Когда-то у Аделины Амотеру был отец, был принц, которого она любила, и много друзей. Потом они предали ее, и она погубила их всех, вступила на горький путь мести. Теперь, известная под именем Белая Волчица и внушающая ужас всем, она вместе с сестрой покидает Кенеттру, чтобы найти других представителей Молодой Элиты и собрать из них армию союзников. Ее цель – победить инквизицию, нанести ответный удар солдатам в белых накидках, которые едва не убили ее. Однако силы Аделины, подпитываемые страхом и ненавистью, начинают выходить из-под контроля. Она не доверяет и вновь обретенным друзьям из Элиты.

Терен Санторо – Главный Инквизитор – добивается ее смерти.

Общество Кинжала во главе с Раффаэле также пытается уничтожить ее.

Аделина изо всех сил старается опираться на то хорошее, что в ней есть. Но как может быть светлым созданием тот, чье бытие полностью зависит от тьмы?

Впервые на русском языке!

Мэри Лю Общество Розы

Marie Lu
THE ROSE SOCIETY

Copyright © 2015 by Xiwei Lu

All rights reserved including the right of reproduction in whole or in part in any form.

This edition published by arrangement with G. P. Putnam's Sons, an imprint of Penguin Young Readers Group, a division of Penguin Random House LLC.

© Е. Бутенко, перевод, 2017

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2017

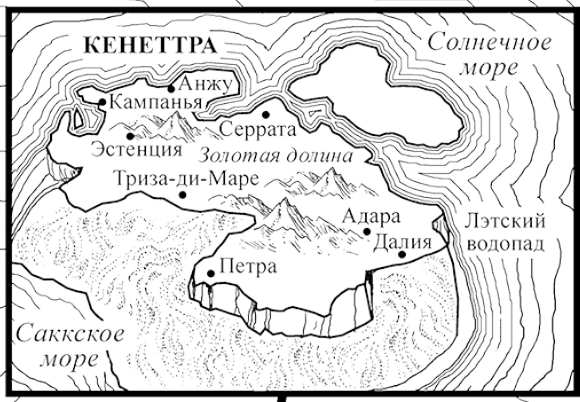
Издательство АЗБУКА®

* * *

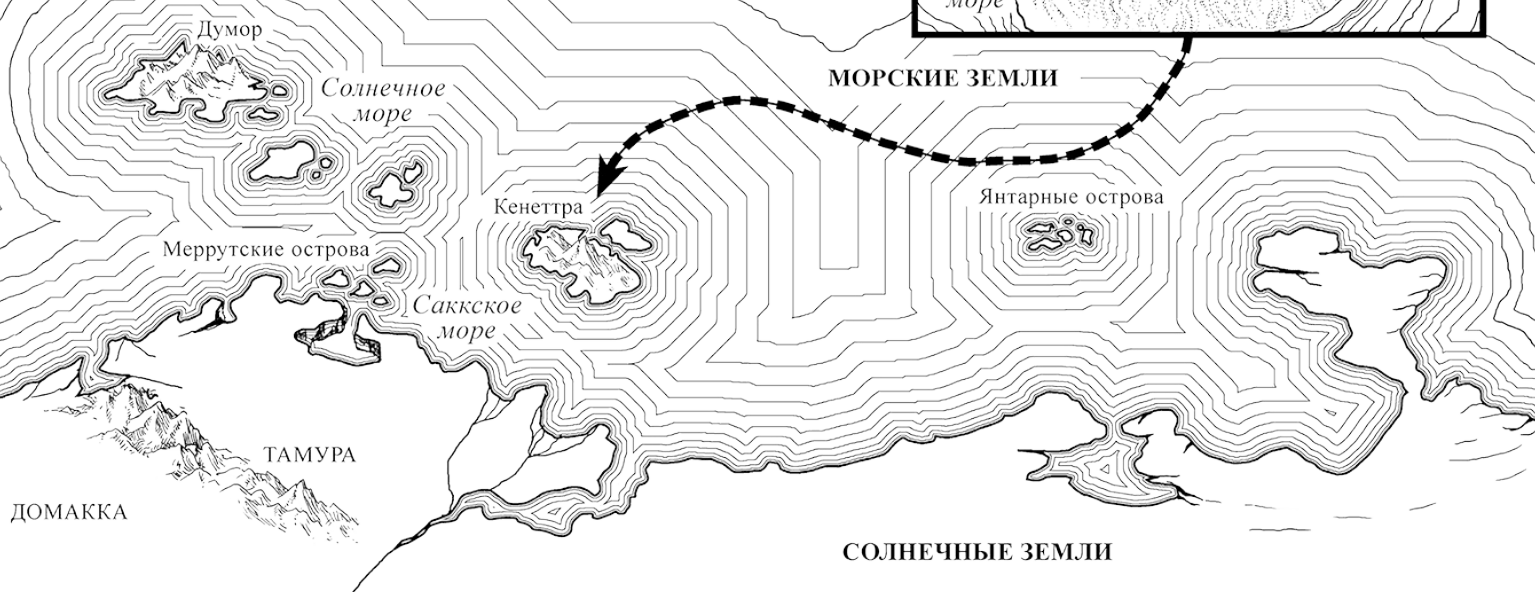
*Посвящается Кэсси,
сестре навсегда, что бы ни происходило*

НЕБЕСНЫЕ ЗЕМЛИ

БЕЛЬДАН
Халенбери

МОРСКИЕ ЗЕМЛИ

СОЛНЕЧНЫЕ ЗЕМЛИ

Когда я была маленькой, мама долгими вечерами рассказывала мне сказки. Одну историю я помню особенно хорошо.

Давным-давно жил на свете жадный принц, и влюбился он в злую девушку. У принца всего было вдоволь – даже больше, чем нужно, но ему все казалось мало. И вот однажды он заболел и отправился в царство Великого Океана, где подземный мир встречается с миром живых, чтобы выторговать у Моритас, богини смерти, еще немного жизни. Она ему отказала, тогда принц выкрал у нее золото бессмертия и сбежал на поверхность.

Мстительная Моритас послала за ним в погоню свою дочь Кальдору, ангела ярости. Теплой ветреной ночью Кальдора вышла из пены морской, одетая в серебристый шелк, – мучительно прекрасный призрак во мгле. Принц бросился на берег, чтобы приветствовать ее. Она улыбнулась, коснулась его щеки и спросила:

– Что дашь ты мне взамен моей любви? Ты готов расстаться со своими владениями, армией и сокровищами?

Принц, ослепленный ее красотой, не в силах удержаться от хвастовства, кивнул:

– Я сделаю все, что ты хочешь. Я величайший человек на земле. Даже боги не могут сравниться со мной.

И он отдал Кальдоре свое царство, армию и сокровища. Красавица с улыбкой приняла эти дары и тут же предстала перед ним в своем истинном обличье – в виде чудовищного плоского скелета с плавниками. Затем она испепелила подаренное царство, а самого принца бросила за море, в подземный мир, где его терпеливо поджидала ее мать, Моритас. Принц вновь попытался торговаться с богиней, но было поздно. Взамен украденного золота Моритас поглотила его душу.

Сейчас я вспоминаю эту историю, стоя с сестрой на палубе торгового судна и глядя на берег, где из утреннего тумана вырастают стены города-государства Меррутас.

Город-государство Меррутас

Морские земли

*Они были вспышками света на штормовом небе,
Расползающейся перед рассветом тьмой.
Их не существовало прежде,
И они никогда не появятся вновь.*

Неизвестный источник о Молодой Элите

– Думаешь, он может быть здесь?

Голос моей сестры Виолетты напугал меня и вывел из задумчивости.

– Мм? – мурлычу я и беру ее под руку.

Мы прокладываем себе путь по запруженной народом улице.

Виолетта выпячивает губы; так она обычно выражает озабоченность. Сестра чувствует, что я рассеянна, но, к моей радости, не заостряет на этом внимания.

– Я сказала, что, по-моему, он может быть здесь, на главной площади.

Ранний вечер самого длинного дня в году. В Меррутасе праздник, и мы, попав в самую толчею, заблудились. Богатый, бурлящий жизнью город расположен между Кенеттрой и Тамуранской империей. Солнце почти ушло за горизонт, и низко над водой повисли три пухлые луны, три золотых шара. В Меррутасе шумно отмечается праздник Творения, совпадающий с серединой лета и началом месяца поста. Мы с Виолеттой блуждаем среди толп гуляк, потерявшись в радуге цвета. Обе мы сегодня одеты в тамуранские шелка, волосы убраны наверх, а пальцы украшены бронзовыми кольцами. Вокруг нас повсюду люди, увешанные гирляндами из жасмина; они заполняют узкие проулки, вываливают на площади; выстроившись в длинные цепочки, танцуют вокруг увенчанных куполами дворцов и храмов с бассейнами. Мы проходим мимо каналов – вода в них поднялась от нагруженных товарами лодок, мимо зданий, украшенных позолоченным и покрытым серебром резным орнаментом, в котором повторяются тысячи кружков и квадратов. С балконов свисают узорчатые ковры, в воздухе клубится дым. Мимо нас маленькими группками проходят солдаты, вместо тяжелых доспехов одетые в развевающиеся шелка; на рукава их одежд нашита эмблема в виде луны с короной. Они не принадлежат к Оси Инквизиции, но явно получили из-за моря распоряжение Терена и ищут нас. Мы держимся от них на расстоянии.

Я как будто в тумане, вокруг меня плывет и кружится празднество. Правда, смотреть на все это веселье со стороны очень странно. При чем тут я? Общее оживление не затрагивает меня. Молча отдаюсь на волю Виолетте – пусть ведет нас по шумным улицам, а сама возвращаюсь к своим мрачным мыслям.

Три недели назад мы покинули Кенеттру, и с тех пор я пробуждаюсь, слыша шепот у своей постели, который через секунду смолкает. В другое время дня, когда рядом никого нет, ко мне обращаются приглушенные голоса. Это случается не всегда – лишь время от времени, и я не каждый раз способна разобрать слова, даже если голоса обращаются ко мне. Но я постоянно ощущаю, как они неуклюже топчутся в уголках моего сознания. Это лезвие клинка, рассекающего звуки и тишину; лампа, испускающая черное свечение; тьма, пылающая огнем. Вот что они говорят:

«Аделина, почему ты винишь себя в смерти Энцо?»

«Мне нужно было лучше контролировать свои видения, – тихо отвечаю я. – Я могла бы спасти Энцо жизнь. Надо было раньше довериться членам Общества Кинжала».

«Тут нет твоей вины, – возражают звучащие в моей голове шепотки. – Не ты убила его, в конце концов, его жизнь оборвал не твой клинок. Так почему именно тебя отвергли? Ты не обязана была возвращаться в Общество Кинжала – тебе не нужно было помогать им в спасении Раффаэле. И они все равно ополчились на тебя. Почему никто не вспоминает о твоих добрых намерениях, Аделина? Почему ты винишь себя за то, в чем не виновата?»

Потому что я любила его. А теперь его нет.

«Оно и лучше, – шепчет голос. – Разве ты не простаивала много времени наверху лестницы в сладком предвкушении, представляя себя королевой?»

– Аделина! – окликает меня Виолетта, тянет за руку, и голоса исчезают.

Я встряхиваю головой, заставляю себя собраться и спрашиваю:

– Ты уверена, что он здесь?

– Если не он, то кто-нибудь другой из Элиты.

В Мерругас мы прибыли из Кенеттры, чтобы скрыться от пытливых глаз инквизиции. Этот город – ближайшее место, неподконтрольное Кенеттре, но в конце концов мы отправимся на юг, в Солнечные земли, подальше от цепких лап наших врагов.

Однако мы прибыли сюда не только поэтому.

Если вам известны истории о Молодой Элите, то вы наверняка слышали о Чародее, или Маджиано. Раффаэле, прекрасный юный консорт, который некогда был моим другом, упоминал о Чародее во время наших с ним вечерних занятий. С тех пор я слышала это имя из уст многих путешественников.

Одни говорили, что он взращен волками в дремучих лесах Янтарных островов, тонкой цепочкой протянувшихся далеко к востоку от Кенеттры. Другие утверждали, что он рожден в Солнечных землях, в пустынях Домакки – бастард, воспитанный кочевыми племенами. Ходили слухи, что это совершенный дикарь, подобный зверю, с головы до ног одетый в листья и обладающий умом и проворством полночного лиса. Он появился совершенно внезапно несколько лет назад и с тех пор десятки раз избегал арестов Осью Инквизиции за разные проступки – от незаконных азартных игр до кражи драгоценных камней из короны самой королевы. Как гласила молва, он мог заставить вас прыгнуть в море со скалы напевом своей лютни. А когда он улыбался, зубы его сверкали ярко и злобно.

Хотя нам известно, что Чародей принадлежит к Молодой Элите, никто точно не знает, какова его сила. Мы можем быть уверены только в одном: недавно его видели здесь, в Мерругасе.

Будь я такой же, какой была год назад, – не ведающей о силах, которыми обладаю, – не уверена, что отважилась бы разыскивать такого печально известного представителя Элиты. Но потом я убила своего отца, вступила в Общество Кинжала, предала их, а они предали меня. Или, может, наоборот. Не могу сказать точно.

Теперь я знаю наверняка: члены Общества – мои враги. Когда остаешься одна в мире, который ненавидит и боится тебя, всегда хочется найти себе подобных. Новых друзей. Из Молодой Элиты. Друзей, которые помогут тебе в построении своего собственного общества.

Друзей вроде Чародея.

– Саям, милые тамуранские девушки!

Мы вышли на большую площадь неподалеку от гавани. Со всех сторон она была заставлена продуктовыми лавками с кипящими горшками, уличные ловкачи в длинноносых масках показывали фокусы на столах. Торговец едой улыбнулся, заметив, что мы на него смотрим. Волосы его скрывала тамуранская повязка, а борода была темная и тщательно подстриженная. Торговец поклонился нам. Я невольно коснулась головы. Мои серебристые волосы еще не отросли после неумелой попытки обстричь их, к тому же сегодня они прикрыты двумя длинными полосами золотистого шелка и украшены убором из золотых кисточек, болтающихся над бровями. Над покрытой шрамами половиной своего лица я соткала иллюзию. Этому человеку мои белесые ресницы кажутся черными, а глаза –

безупречными.

Смотрю, что он продает. На сковородках дымятся голубцы из виноградных листьев, на шампурах поджаривается ягнятина, и еще у него есть теплые лепешки. Мой рот наполняется слюной.

– Милые девушки с родной стороны, – заворковал торговец.

Остальных его слов, кроме «пожалуйста, идите сюда!» и «утолите свой голод», я не разобрала. Улыбаюсь и киваю ему. Никогда еще я не была в городе, настолько тамуранском. Складывается ощущение, что мы вернулись домой.

«Ты могла бы править местом вроде этого», – лепечет шепоток у меня в голове, и сердце ликует.

Как только мы подходим к лавке, Виолетта вытаскивает два бронзовых таланта и протягивает хозяину. Я держусь позади и наблюдаю, как торговец расплывается в улыбке, как склоняется к моей сестре и шепчет что-то ей на ухо, отчего она застенчиво краснеет. Виолетта отвечает улыбкой, от которой и солнце может растаять. По окончании этого обмена любезностями в руках у нее оказываются два шампура с ягнятиной. Сестра отворачивается и уходит, а торговец долго смотрит ей вслед, после чего возвращается к своему делу и начинает зазывать новых покупателей: «Эгей, э-ге-гей! Оставьте на время свои игры и отведайте свежих лепешек!»

Виолетта протягивает мне бронзовый талант:

– Сдача. Мы ему понравились.

– Милашка Виолетта!

Я приподнимаю бровь, глядя на нее, и беру шампур. Собственных кошельков мы пока не касались: я умею использовать свои силы, чтобы красть монеты у богачей. Это моя контрибуция. У Виолетты способности совершенно иные.

– Скоро они будут платить нам, чтобы мы отведали их угощения.

– Я над этим работаю, – с мнимо невинной улыбкой отвечает Виолетта. Она блуждает взглядом по площади и останавливает его на огромном костре напротив храма. – Мы подбираемся ближе, – говорит она, откусывая маленький кусочек мяса. – *Его* энергия не слишком сильна. Она перемещается по мере нашего приближения.

После еды Виолетта отрабатывает свой навык водительницы – прокладывает длинный извилистый путь между людьми, я следую за ней. Сбежав из Эстенции, мы каждый вечер садились друг против друга, и я позволяла сестре экспериментировать над собой, как в детстве, когда она, бывало, по-разному заплетала мне волосы, дергая их и слишком сильно натягивая. Потом я завязывала ей глаза и молча двигалась по комнате: так мы проверяли, способна ли она почувствовать, где я нахожусь. Виолетта вытягивала руки, чтобы коснуться исходящих от меня нитей энергии, изучить их структуру. Могу гарантировать: она набирает силу.

Это меня пугает. Но, покинув Общество Кинжала, мы с Виолеттой поклялись, что никогда не будем использовать свои силы друг против друга. Если Виолетте понадобится защита моих иллюзий, я всегда обеспечу ее. Взамен Виолетта оставит мои способности неприкосновенными. Вот и все.

Должна же я доверять хоть кому-то.

Мы блуждаем уже не меньше часа, наконец Виолетта останавливается посреди одной площади. Она хмурится. Я стою рядом и жду, изучая ее лицо.

– Ты потеряла его?

– Возможно.

Ее голос едва слышен, так громко играет вокруг музыка. Мы стоим неподвижно еще мгновение, после чего Виолетта поворачивает налево и кивком приглашает меня дальше.

Потом сестра снова останавливается, оборачивается вокруг себя, складывает на груди руки и со вздохом произносит:

– Я опять потеряла его. Наверное, нам придется вернуться обратно тем же путем, каким мы пришли.

Едва эти слова слетают с ее губ, как дорогу нам преграждает очередной уличный трюкач. Одет он так же, как его собратья по цеху, лицо полностью скрыто под длинноносой маской *дотторе*, а цветастые одеяния не сочетаются между собой. Приглядевшись, я замечаю, что платье его сшито из роскошного шелка прекрасной выделки, окрашенного дорогими красками. Он берет руку Виолетты, подносит к маске, как будто для поцелуя, а потом прикладывает свою руку к сердцу. Знаками приглашает нас собраться в кружок у его лотка.

Тут же соображаю, в чем дело. Это кенеттранская азартная игра: распорядитель выкладывает перед вами двенадцать разноцветных камушков и просит выбрать три. Потом перемешивает их, накрыв стаканами. В игре одновременно с вами могут участвовать другие. Если только вы угадываете, где спрятаны три камушка, то не только забираете назад свои деньги, но и получаете ставки всех участников игры вместе с кошельком ведущего. Одного взгляда на кошель нашего банкмета было достаточно, чтобы определить: он уже давно не проигрывал ни раунда.

Мужчина поклонился нам и молча указал на камни, приглашая сделать выбор. То же приглашение было сделано и другим людям, собравшимся позади нас. Двое гуляк охотно сделали ставки. Напротив нас находился мальфетто – мальчик, переболевший кровавой лихорадкой. Болезнь оставила на его ушах и щеках следы в виде неприглядной черной сыпи. Внешняя задумчивость мальчугана была лишь фасадом, за которым, как подводное течение, струилась тревога.

Мм... Моя энергия нацеливается на него, как волк устремляется на запах крови.

Виолетта наклоняется ко мне:

– Давай сыграем разок. – Ее глаза тоже прикованы к бедному мальфетто. – Кажется, я кое-что чувствую.

Я киваю распорядителю игры и вкладываю в его протянутую руку два золотых таланта. Он размашисто кланяется мне.

– За меня и мою сестру.

Выбираю три камушка, на которые мы делаем ставки.

Ведущий молча кивает и начинает перемешивать камни.

Мы с Виолеттой внимательно смотрим на мальчика-мальфетто, который сосредоточенно наблюдает за перемещением стаканчиков. Пока мы ждем окончания этой процедуры, другие игроки, посмеиваясь, косятся на мальчика. Раздается несколько глумливых шуток в его адрес. Мальфетто пропускает их мимо ушей.

Наконец ведущий выстраивает в ряд все двенадцать стаканчиков, засовывает руки куда-то в складки одежды и кивком приглашает игроков угадывать, под какими стаканчиками находятся камушки загаданных ими цветов.

– Четвертый, седьмой, девятый, – говорит один игрок и хлопает по столу.

– Второй, пятый, девятый, – подает голос другой.

Еще двое называют свои варианты.

Ведущий поворачивается к нам. Я поднимаю голову:

– Первый, второй и третий.

Остальные игроки смеются над моим выбором, но мне до них нет дела.

Мальчик-мальфетто тоже делает ставку:

– Шестой, седьмой и двенадцатый.

Распорядитель игры поднимает первый стаканчик, за ним второй и третий. Я проиграла – это ясно, однако делаю вид, что ничуть не расстроена неудачей. Все мое внимание приковано к мальфетто. Шестой, седьмой и двенадцатый... Когда ведущий доходит до шестого стаканчика, то переворачивает его, чтобы показать: мальчик угадал верно.

Он указывает на мальфетто, и тот издает радостный возглас. Другие игроки с неприязнью смотрят на него.

Ведущий поднимает седьмой стаканчик. И снова выбор мальчика оказывается правильным. Остальные участники игры начинают нервно переглядываться. Если мальфетто в последний раз ошибется, мы все проиграем, и деньги заберет ведущий. Но если угадает, тогда он и получит все наши деньги.

Ведущий переворачивает последний стаканчик. Мальчик не ошибся. Он выигрывает.

Распорядитель вскидывает голову. Мальфетто издает удивленный и радостный крик, при этом другие игроки злобно смотрят на него. В груди у них начинает искриться ненависть, вспышки энергии гаснут в черной мгле.

– Что ты думаешь? – обращаюсь я к Виолетте. – Как у него с энергией? Чувствуешь что-нибудь?

Виолетта не отрывает взгляда от торжествующего мальчика:

– Пойдем за ним.

Ведущий неохотно протягивает свой кошелек вместе с деньгами, которые поставили остальные участники игры. Пока мальчик собирает монеты, другие игроки недобро перешептываются. Наконец счастливый победитель отходит от игрового столика, прочие двигаются следом. На их лицах печать злобы, плечи напряжены.

Они собираются напасть на беднягу-мальфетто.

– Пошли, – шепчу я Виолетте, и она без слов повинуется.

Некоторое время мальчика переполняет радость от выигрыша, и он не замечает, какая над ним нависла опасность. Только оказавшись на краю площади, мальфетто обнаруживает у себя за спиной недавних участников игры. Он не сбавляет хода, но теперь в его походке ощущается нервозность. Я чувствую, как отдельные капельки страха собираются в тонкую струйку, и этот сладкий привкус испуга манит меня.

Мальчик кидается с площади в узкую боковую улочку, где мало света и почти нет людей. Мы с Виолеттой отходим в тень, и я набрасываю на нас тонкую ткань иллюзии, которая помогает нам оставаться незамеченными. Глядя на мальчика, я хмурюсь. Такие печально известные личности, как Маджиано, не вели бы себя столь неосмотрительно.

Наконец какой-то игрок догоняет беглеца. Мальчик не успевает поднять руки, как его сбивают с ног. Мужчина притворяется, что случайно толкнул мальфетто, а сам между делом пинает его в живот. Жертва нападения жалобно взвизгивает. Страх мальфетто превращается в дикий ужас, и я теперь вижу, как эта эмоция окутывает мальчика черной мерцающей сетью.

Другие игроки миглом окружают мальчика. Один хватает его за рубашку и припечатывает спиной к стенке. Мальфетто сильно ударяется головой, глаза его закатываются, он оседает на

землю и сжимается в комок.

– Что ж ты сбежал? – спрашивает игрок. – Ты, кажется, был очень рад, что оставил нас всех без денег.

Остальные присоединяются.

– Да и зачем какому-то мальфетто столько денег?

– Хочешь нанять *дотторе*, чтобы тот подчистил твои метки?

– Или снимешь шлюху, чтобы узнать, каково это?

Я продолжаю наблюдать. Когда я только связалась с Обществом Кинжала и впервые стала свидетельницей того, как люди нападают на мальфетто, то разревелась, вернувшись в свою комнату. Но теперь я навидалась таких сцен достаточно, чтобы сохранять спокойствие, подпитывать себя страхом, сгущающимся над сценой глумления, и не испытывать при этом чувства вины. Нападающие продолжают мучить мальчика, а я стою в стороне и лишь предвкушаю дальнейшее.

Мальфетто поднимается на ноги – противники не успевают нанести ему нового удара – и кидается бежать по улочке. За ним гонятся.

– Он не из Элиты, – бормочет себе под нос Виолетта и с озадаченным видом качает головой. – Прости. Наверное, я почувствовала кого-то другого.

Не знаю почему, но меня тянет следом за удаляющейся группой. Если этот мальчик не Чародей, у меня нет причин помогать ему. Может быть, мною движет разочарованность в жизни или я поддалась нездоровым чувствам, а может, я не забыла об отказе членов Общества Кинжала идти на риск ради спасения мальфетто, если те не принадлежали к Молодой Элите. Или на меня повлияло воспоминание о том, как я сама, прижавшись к железному столбу, стояла под градом камней и ждала сожжения на глазах у всего города.

На краткий миг представляю себе: будь я королевой, то могла бы приравнять преследование мальфетто к преступлениям и наказать обидчиков мальчика, отдав одно короткое распоряжение.

Ускоряю шаг и поторапливаю Виолетту:

– Пошли, пошли.

– Не надо, – пытается возразить она, хотя и знает, что это бессмысленно.

– Это будет забавно, – с улыбкой говорю я.

– Твое представление о забавном отличается от общепринятого.

Мы быстро двигаемся в темноте, невидимые под покровом сотканной мною иллюзии. Где-то впереди раздаются крики. Мальчик сворачивает за угол, пытаюсь оторваться от преследователей. Напрасно. Мы подбираемся ближе, и я слышу, что мальчика нагнали. Раздается крик боли. Когда мы вырुливаем из-за угла, нападающие уже взяли мальфетто в кольцо. Кто-то из них валит мальчика с ног ударом в лицо.

Я начинаю действовать не раздумывая. Вытягиваю руки и раздвигаю скрывающие нас из виду нити. Потом вхожу в круг обступивших мальфетто людей. Виолетта остается на месте и тихо наблюдает за происходящим.

Разгоряченные погоней игроки замечают меня не сразу – только когда я подхожу к дрожащему мальчику и встаю прямо перед ним. Парни в замешательстве.

– Это еще что? – бормочет заводила, смутившись на мгновение. Он скользит взглядом по иллюзии, скрывающей мое покрытое шрамами лицо, и видит прекрасную девушку с безупречной внешностью. Ухмылка возвращается на его лицо. – Это твоя шлюшка, грязный мальфетто? – глумится он над мальчиком. – Ну и свезло же тебе.

Из-за его плеча на меня с подозрением смотрит какая-то женщина и говорит:

– Она участвовала в игре вместе с нами. Может, помогала парню выиграть.

– Ах, ты права, – отзывается главарь и поворачивается ко мне. – Так, значит, часть выигрыша у тебя? Получила свою долю?

Двое других из группы выглядят не такими уверенными. Один замечает улыбку на моем лице и с тревогой на меня смотрит, потом оглядывается на ожидающую меня Виолетту.

– Давайте покончим с этим, – предлагает он и поднимает руку с кошельком. – Мы уже получили назад свои деньги.

Главарь прищелкивает языком:

– У нас нет привычки спускать людям с рук. Никто не любит обманщиков.

Не надо бы мне так безответственно пользоваться своими силами. Но тут темный переулок, и я больше не могу сопротивляться искушению. Стоя за пределами круга, Виолетта пытается сдержать мою энергию, чувствуя, какой шаг последует дальше. Я игнорирую ее усилия и остаюсь при своих намерениях – медленно рассеиваю скрывающую мое лицо иллюзию. Черты начинают подергиваться и изменяться, над левым глазом возникает длинный шрам, потом покрывается шрамами то место, где когда-то был глаз – грубая, шершавая кожа появляется на месте зарубцевавшейся старой раны. Черные ресницы становятся бледно-серебристыми. Я долго работала над точностью своих иллюзий, училась сплести их быстро и медленно, так что теперь могу пользоваться нитями энергии более аккуратно и открываю свою подлинную внешность собравшимся в круг людям постепенно.

Все обомлели и замерли на месте, неотрывно смотрят на изуродованную часть моего лица. Удивительно, но их реакция мне приятна. Кажется, они даже не заметили, что мальчик-мальфетто выбрался из круга и вжался в ближайшую стену.

– Демон, – скалится на меня заводица, вытаскивая нож.

В его голосе звучат первые неуверенные нотки.

– Возможно, – отзываюсь я.

От моего голоса веет холодом, я пока не могу до конца к нему привыкнуть.

Мужчина уже готов кинуться на меня, как вдруг что-то на земле отвлекает его внимание. Он смотрит на булыжники мостовой и видит там крошечную ярко-красную ленточку, которая змейкой ползет по бороздкам между камнями. Она похожа на заблудившееся маленькое создание, которое бесцельно снует туда-сюда. Главарь хмурится. Он наклоняется к этой малютке-иллюзии.

И тут красная полоска взрывается и разделяется на десяток новых, они быстро расползаются в разные стороны, оставляя за собой кровавые следы. Зрители отшатываются назад.

– Что за... – начинает главарь.

Я в ярости свиваю все новые ленточки на земле и на стенах, десятки превращаются в сотни, тысячи, пока вся улица не становится кишацим красными змейками полем. Затмив свет уличных фонарей, я создаю иллюзию алых грозových туч над головой.

Негодяй теряет самообладание, он явно встревожен. Его приятели торопливо пятятся, отступают от меня и заполонивших улицу кровавых полос. Страх облаком покрывает их грудные клетки, я чувствую это, и меня пронзает ощущение собственной силы и голода. Созданные мною иллюзии напугали противников, а их страх сделал меня сильнее.

Стоп! Я снова замечаю, как Виолетта тянет меня прочь, воздействуя на мою энергию. Может, стоит остановиться. Этим подонкам деньги уже не нужны. Но я отмахиваюсь от

сестры и двигаюсь дальше. Такая игра мне нравится. Раньше я стыдилась подобных чувств, но теперь думаю: почему мне нельзя ненавидеть? Разве ненависть не может доставлять мне удовольствие?

Вдруг главарь снова поднимает нож. Я продолжаю плести иллюзии. «Ты не видишь ножа, – дразнит противника шепоток у меня в голове. – Куда же он делся? Вот только сейчас был, но ты, должно быть, оставил его где-то». Мне прекрасно видно оружие в руке врага, но сам он смотрит на свою руку в ярости и изумлении. Ему кажется, что нож испарился.

Наконец вся шайка поддается страху – несколько человек убегают, остальные жмутся к стене, обездвиженные ужасом. Заводила разворачивается и пытается унести ноги. Я обнажаю зубы, а потом изрыгаю на него тысячи кровавых лент, обматываю его ими, связываю как можно крепче, чтобы он почувствовал, будто острые как бритва нити врезаются в его плоть, режут и жгут ее. Глаза главаря лезут из орбит, после чего он с жутким воплем падает на землю. Я стягиваю жесткие нити вокруг него, как паук, вьющий шелковый кокон вокруг своей добычи. «Ощущение такое, будто твою кожу прошивают струнами, верно?»

– Аделина! – нетерпеливо окликает меня сестра. – Остальные.

Я впитываю ее предупреждение достаточно долго, чтобы заметить: двое из шайки набрались смелости и готовы атаковать меня – женщина и еще один мужчина. Я буквально срываюсь с цепи, окатываю их волной иллюзии. Оба падают. Им кажется, что их кожу отделяют от плоти, они корчатся от боли, сгибаясь пополам.

Я так сильно сконцентрировалась, что у меня уже трясутся руки. Мужчина пытается убраться куда подальше, я позволяю ему отползти. Интересно, каким сейчас предстает перед его глазами мир? Продолжаю изливать на него иллюзию, представляя себе то, что он должен видеть и чувствовать. Он начинает всхлипывать и ползет, вкладывая всю силу в каждое движение.

Приятно быть могущественной, видеть, как люди подчиняются твоей воле. Думается, такие чувства испытывают короли и королевы, когда понимают, что всего несколькими словами могут разжечь войну или обратить в рабов всех жителей какой-нибудь страны. Наверное, об этом я мечтала маленькой девочкой, когда сидела на ступеньках своего старого дома, изображая, что на голове у меня – корона, а передо мной – море коленапреклоненных фигур.

– Аделина, нет, – шепчет Виолетта. Теперь она стоит рядом со мной, но я так сосредоточена на своем занятии, что едва замечаю ее присутствие. – Ты преподала им хороший урок. Оставь их.

Я сжимаю кулаки и продолжаю гнуть свое.

– Ты могла бы остановить меня, – отвечаю я с натянутой улыбкой, – если бы действительно хотела.

Виолетта не спорит со мной. Вероятно, где-то глубоко внутри она хочет, чтобы я продолжала делать то, что делаю. Ей важно видеть, как я защищаю себя. И вот, вместо того чтобы остановить меня, она кладет руку мне на предплечье. Выполняет данное нами друг другу обещание.

– Мальчик-мальфетто убежал, – говорит она очень мягким голосом. – Прибереги свою ярость для чего-нибудь более серьезного.

Какая-то нотка в голосе сестры обрывает поток моего гнева. Не совсем понимаю почему, но вдруг накатывается изнеможение: растрчено так много энергии разом. Отпускаю

свою жертву, иллюзия больше не сковывает моего противника. Он распластывается на булыжной мостовой, но прижимает руки к груди, будто продолжает ощущать, как в его плоть врезаются жесткие нити. Все лицо у него перемазано – тут и слезы, и слюни. Чувствуя слабость, я отступаю назад и тихо говорю Виолетте:

– Ты права.

Она облегченно вздыхает и поддерживает меня.

Наклоняюсь к главарю шайки так, чтобы ему хорошо было видно мое покрытое шрамами лицо. Тот не может решиться взглянуть на меня.

– Я буду следить за тобой, – говорю я ему.

Не важно, правда это или нет. Я знаю: в таком состоянии он не посмеет усомниться. Мужчина кивает быстро, отрывисто, потом, покачиваясь, встает и убегает.

Остальные следуют примеру вожака. Топот их разносится эхом по переулку, наконец все беглецы скрываются за углом, и тогда звуки их шагов смешиваются с шумом праздника. Больше никого нет. Я испускаю вздох, вместе с ним из меня выходит и вся храбрость. Поворачиваюсь к Виолетте. Она смертельно бледна. Ее рука так крепко сжимает мою, что у нас обеих побелели пальцы. Мы стоим посреди притихшей улицы. Я качаю головой.

Спасенный нами мальчик-мальфетто не мог быть Чародеем, он явно не из Элиты. А даже если это не верно, все равно парнишка сбежал. Я вздыхаю, опускаюсь на колени и стараюсь собраться с силами. Происшествие оставило внутри ощущение горечи. «Почему ты не убила его?» – огорченно спрашивает шепоток у меня в голове.

Не знаю, долго ли мы там стоим, но неожиданно раздается слабый, едва слышный голос:

– Вот так-то быть доброй, да?

Мы вздрагиваем. Голос до странности знакомый. Я оглядываюсь, обвожу взглядом верхние этажи окружающих нас зданий, однако в темноте трудно что-нибудь различить. Делаю шаг к середине улицы. Издалека продолжают доноситься звуки праздника.

Виолетта тянет меня за руку. Глаза ее прикованы к балкону напротив.

– Это он, – шепчет сестра.

Поднимаю взгляд и вижу фигуру в маске, облокотившуюся на мраморные перила балкона. Человек молча наблюдает за нами. Это он был распорядителем в нашей игре.

Сестра склоняется ближе ко мне:

– Он из Элиты. Это его я почувствовала.

Ирония жизни – те, кто носит маски, часто оказываются правдивее тех, кто ходит с открытыми лицами.

Сальваторе Лакона. Маскарад

Мы смотрим на человека в маске, и он замечает это.

Прислоняется к стене и достает откуда-то из-за спины лютню. Задумчиво перебирает струны, будто подстраивая инструмент, потом с нетерпеливым вздохом откидывает с лица маску *дотторе*. По плечам его рассыпается множество длинных черных косичек. Просторная рубаха расстегнута до середины груди, руки украшены массивными золотыми браслетами, которые ярко выделяются на коже цвета бронзы. Со своего места мне не удастся рассмотреть черты его лица, но я вижу, что глаза у него медового цвета и они мерцают в ночи.

– Я следил, как вы вдвоем шли по улице в толпе, – продолжает мужчина с лукавой улыбкой и переводит взгляд на Виолетту. – Таких, как вы, невозможно не заметить. Должно быть, за вами тянется длинный шлейф из разбитых сердец, а идти по вашему следу опасно. И все же, я уверен, поклонники продолжают бросаться к вашим ногам, отчаянно стремясь снискать вашу благосклонность.

– Простите? – Виолетта хмурится.

– Вы прекрасны.

Моя сестра заливается краской. Я подхожу ближе к балкону и обращаюсь к незнакомцу:

– Кто вы?

Он начинает играть на лютне, отдельные ноты превращаются в мелодию. Музыка отвлекает меня – несмотря на небрежность жестов, этот парень играет мастерски. Гипнотически. За моим старым домом росли большие деревья, и мы с Виолеттой любили прятаться в их дуплах. Когда ветер шелестел листвой, получался звук, похожий на смех. И мы представляли себе, что так смеются боги, наслаждаясь прохладой весеннего вечера. Мелодия, которую исполнял загадочный музыкант, напомнила мне те звуки. Пальцы мужчины бегали по всей длине струн, задевая их быстрыми и легкими ударами, и музыка лилась – естественная, как закат.

Виолетта смотрит на меня, и я понимаю, что незнакомец сочиняет мелодию на ходу.

Он может заставить вас броситься в море со скалы напевами своей лютни.

– А что касается вас, – говорит молодой человек в паузах между нотами и перемещает взгляд с Виолетты на меня. – Как вы это делаете?

Я моргаю, не совсем включившись:

– Делаю – что?

Мужчина держит паузу достаточно долго, чтобы успеть бросить на меня раздраженный взгляд.

– О, бога ради, не надо так скромничать, – как прежде бесстрастно, говорит незнакомец, продолжая играть. – Очевидно, что вы из Молодой Элиты. Как же вы проделываете эти трюки с кровавыми линиями и с ножом?

Виолетта едва заметно кивает мне, после чего я отвечаю:

– Мы с сестрой уже не первый месяц ищем кое-кого.

– Так вот оно что? Я даже не предполагал, что мой скромный игровой столик пользуется такой популярностью.

– Мы ищем человека по имени Чародей, который принадлежит к Молодой Элите.

Наш собеседник замолкает, исполняя серию быстрых пассажей. Пальцы его летают вдоль струн, так что отдельные движения неразличимы, но при этом каждая нота звучит хрустально-чисто, это абсолютное совершенство. Кажется, он играет долго, и в его мелодии разворачивается целая история. Музыка звучит то бодро, то задумчиво, может быть, даже с легким юмором, тая в себе завуалированную шутку. Мне хочется, чтобы он нам ответил, но в то же время я испытываю сильное желание слушать его игру.

Наконец музыкант останавливается и смотрит на меня:

– Кто такой этот Чародей?

Виолетта издает сдавленный стон, а я тем временем скрещиваю руки на груди и громко фыркаю, выражая неверие.

– Быть не может, чтобы вы не слышали о Чародее, – говорит моя сестра.

Парень склоняет голову набок и одаривает Виолетту очаровательной улыбкой:

– Красавица моя, если вы пришли сюда, чтобы узнать мое мнение о воображаемых личностях, то напрасно теряете время. Единственный Чародей, о котором я слышал, – это тот, которым матери пугают своих детей, когда хотят добиться от них правды. – Он взмахивает рукой. – Ну, вы сами знаете: «Если ты не перестанешь лгать, Чародей украдет твой язык. Если ты не будешь отдавать должное богам в день Сапиенас, Чародей сожрет твоего щенка». – Я приоткрываю рот, хочу что-то сказать, но музыкант продолжает речь, будто говорит сам с собой: – Кажется, этих примеров достаточно. – Он пожимает плечами. – Жрать щенков – это отвратительно, а отбирать способность говорить – грубо. Кто на такое способен?

Тонкая ленточка сомнения вползает в мою грудь. Что, если он говорит правду? Этот человек действительно не похож на парня, о котором рассказывают такие истории.

– А как вам удастся вести азартные игры и так часто выигрывать?

– А-а, это. – Молодой человек некоторое время продолжает брнчать на лютне, потом резко обрывает игру, наклоняется в нашу сторону и поднимает руки. Улыбается, сверкая зубами. – Магия.

– Трюки Чародея, вы имеете в виду, – улыбаюсь я в ответ.

– Так вот откуда происходит это имя? – с искренним удивлением спрашивает он и снова прислоняется к стене. – Я и не знал. – Пальцы юноши находят струны и вновь принимаются за игру. Ясно, что интерес к нам у него пропадает. – Ловкость рук, моя красавица, трюки со светом и использование отвлекающих моментов – ничего больше. И еще, знаешь ли, помощь ассистента. Он, наверное, до сих пор где-то прячется, глупый мальчишка, испугался так, что поджилки трясутся. Я хотел сказать вам обеим, что очень благодарен за спасение моего помощника, а теперь я вас оставлю наслаждаться прекрасным вечером. Удачи вам в поисках вашей Молодой Элиты.

Значит, мальфетто работал с ним. Я вздыхаю. Нечто в том, как были произнесены слова «Молодой Элиты», взбудоражило память. Звучит знакомо. Я уверена, что уже слышала этот голос раньше. Но где? Сдвинув брови, я пытаюсь извлечь что-нибудь разумное из воспоминаний. *Где же, где...*

И тут до меня дошло.

Мой товарищ по заключению. Когда инквизиция впервые арестовала меня и бросила в

свои подземелья, рядом со мной, в соседней камере, сидел какой-то полусумасшедший. Оттуда все время слышались смех и хихиканье, а также монотонный голос, принадлежавший кому-то, кто, как я думала, тронулся умом от долгого заключения. *Девушка. Говорят, ты из Молодой Элиты. Это так?*

Парень видит в моих глазах признаки узнавания, снова приостанавливает игру и говорит:

– У тебя сейчас очень странное лицо. Съела тухлый шашлык из ягнятины? Со мной такое однажды приключилось.

– Мы вместе сидели в тюрьме.

Парень замирает.

– Что ты сказала?

– Несколько месяцев назад мы сидели в одной тюрьме, в городе Далия. Вы должны помнить, я узнала ваш голос. – Погружаясь в воспоминания, я глубоко вздыхаю. – В тот день меня приговорили к сожжению.

Я прищуриваюсь и смотрю на собеседника сквозь темноту. Он больше не улыбается, и легкость в общении сменяется напряжением. Он смотрит на меня во все глаза.

– Ты – Аделина Амотеру, – бормочет он себе под нос, его взгляд блуждает по моему лицу с пробудившимся интересом. – Да, конечно, конечно, это ты. Я должен был почувствовать.

Я киваю. На мгновение задумываюсь, не сказала ли ему лишнего. Вдруг ему известно, что инквизиция охотится за нами? А если он захочет сдать нас солдатам из Меррутаса?

Парень долго вглядывается в меня. Кажется, проходит не менее часа, а потом добавляет:

– В тот день ты спасла мне жизнь.

Я смущенно хмурюсь:

– Как?

Он снова улыбается, но эта улыбка отличается от той сладкой, которую он дарил Виолетте. Нет, никогда прежде я не видела улыбки, хоть сколько-нибудь похожей на эту – кошачью: уголки его глаз сузились, и на какое-то мгновение это придало ему звериный, чуть диковатый вид. Блеснули острые кончики его клыков. Внутреннее чувство преобразило весь его внешний облик, теперь он имел вид одновременно обаятельный и устрашающий. Нити его внимания, все до одной, были зацеплены за меня, как будто в мире ничего другого не существовало. Кажется, он совершенно забыл о Виолетте. Не знаю, как это понимать, но чувствую, что щеки начинают гореть.

Он смотрит на меня, не моргая, и тихо подпевает наигрываемой мелодии, потом отводит взгляд. Я наконец выдыхаю.

– Если вы ищете Чародея, то, скорее всего, обнаружите его в заброшенных купальнях в старом Меррутасе. Раньше это здание называлось Малые купальни Бетесды. Отправляйтесь туда завтра утром, как только рассветет. Я слышал, он предпочитает вести переговоры в уединенных местах. – Юноша поднимает палец. – Но имейте в виду: он никогда не действует по чьему-либо распоряжению. Если хотите поговорить с ним, вам придется указать вескую причину.

Не успели мы с Виолеттой ответить, как парень повернулся к нам спиной и скрылся в доме.

Туман. Раннее утро.

Давно это было. Босой маленький мальчик сидел на корточках за дверью убогого домишки, где жила их семья, и возился в грязи с какими-то палками. Он поднял взгляд и увидел старика, шедшего по грязной деревенской улице, костлявая клячонка тянула за собой повозку. Ребенок прекратил игру. Он кликнул свою мать, потом, когда телега подкатилась ближе, встал.

Старик остановился перед ним. Они изучали друг друга. Лицо у мальчика было худое, и на нем – совершенно необыкновенные глаза: один теплый, как мед, а другой – ярко-зеленый, как изумруд. Но было в этом мальчике и еще что-то. Мужчина смотрел и смотрел на него и постепенно начал изумляться: как такое юное создание может иметь столько мудрости во взгляде?

Старик вошел в дом, чтобы переговорить с матерью мальчика. Ему потребовалось убеждать ее: женщина не хотела впускать в дом чужака, пока тот не сказал, что хочет предложить ей немного подзаработать.

– В этом краю вы не найдете покупателей на побрякушки и всякие зелья, – сказала мать мальчика старику, заламывая руки в темной комнате, где жила с шестью своими детьми.

Гость сел на предложенный стул. Женщина все время переводила взгляд с одного предмета на другой, не в силах на чем-то остановиться.

– Кровавая лихорадка разорила нас. В прошлом году она отняла у меня мужа и старшего сына, пометила еще двоих детей. Вы сами видите. – Она указала на малыша, тихо наблюдавшего за сценой своими глазами цвета меда и драгоценного камня. – Это всегда была бедная деревня, господин, но сейчас она на грани полного разорения.

Мальчик заметил, что взгляд старика возвращается к нему снова и снова.

– И как же вы живете без мужа? – спросил гость.

Женщина покачала головой:

– Работаю до изнеможения на наших полях. Продала кое-какие вещи. Хлеба у нас хватит еще на несколько недель, но он весь в червях.

Старик слушал молча. Он не проявил никакого интереса к брату малыша, помеченному болезнью. Когда мать закончила рассказ, он откинулся на спинку стула и кивнул:

– Я занимаюсь перевозкой товаров между портовыми городами Эстенцией и Кампаньей. И хочу спросить вас о младшем сыне, о мальчике с разными глазами.

– Что вы хотите знать?

– Я заплачу вам за него пять золотых талантов. Он пригожий мальчик и будет получать хорошие деньги в большом портовом городе.

Мать оторопело молчала, а мужчина продолжил:

– В Эстенции есть дома, где собрано больше сокровищ, чем вы могли увидеть во сне. Это целые миры блеска и наслаждений, и им постоянно нужна свежая кровь. – При этих словах он кивнул в сторону малыша.

– Вы собираетесь отдать его в бордель.

Старик посмотрел на мальчугана:

– Нет. Он слишком миловиден для борделя. – Потом наклонился к женщине и понизил голос. – Вашим меченым детям придется здесь туго. Я слышал истории о селянах, которые

выгоняли своих малышей в лес из страха, что те принесут болезни и несчастье всем в доме. Я даже видел, как они сжигают детей, маленьких, заживо прямо на улицах. Здесь это тоже скоро начнется.

– Не начнется! – яростно возразила женщина. – Наши соседи бедны, но они хорошие люди.

– Отчаяние вызывает к жизни все самое худшее в каждом, – сказал старик, пожимая плечами.

Они продолжали спорить до самого вечера. Мать не уступала.

Мальш молча слушал и размышлял.

Когда наступила ночь, мальчик встал и тихо взял мать за руку. Он сказал ей, что пойдет со стариком. Мать шлепнула его и заявила, что он этого не сделает, но тот не отступался.

– Все будут голодать, – тихо проговорил он.

– Ты слишком мал, чтобы понимать, чем жертвуешь, – отрезала мать.

Мальш взглянул на братьев:

– Все будет хорошо, мама.

Женщина посмотрела на своего прекрасного сына, залюбовалась его глазами и провела рукой по черным волосам. Ее пальцы поиграли с несколькими блестящими прядями, отливающими синевой, как сапфир. Она прижала сына к себе и заплакала. И так продолжалось долго. Сын обхватил мать руками, гордый собой, что помогает ей, сам не понимая значения этого шага.

– Двенадцать талантов, – сказала женщина старику.

– Восемь, – ответил тот.

– Десять, за меньшее я своего сына не отдам.

Мужчина немного помолчал, после чего согласился:

– Десять.

Мать обменялась с ним несколькими короткими фразами, а потом выпустила руку сына.

– Как тебя зовут, мальш? – спросил старик, подсаживая его в кособокую таратайку.

– Раффаэле Лоран Бессет.

Голос мальчика прозвучал торжественно, глаза были прикованы к дому. Он уже начал испытывать страх. Навестит ли его когда-нибудь мама? Значит ли этот отъезд, что он больше никогда не увидит родных?

– Ну что ж, Раффаэле, – повторил старик, оглаживая кнутом круп своей кобылы. Он отвлек мальчика, дав ему ломоть хлеба с сыром. – Ты когда-нибудь был в столице Кенеттры?

Через две недели старик продал мальчика во Двор Фортуны в Эстенции за три тысячи золотых талантов.

* * *

Веки Раффаэле затрепетали, и он открыл глаза. В окно лился слабый свет зари. На улице валил пушистый снег.

Он поежился. Огня, мерцающего в камине, и кучи меховых покрывал, наваленных на кровать, не хватало для защиты от холода. Кожа Раффаэле покрылась мурашками. Он снова натянул до подбородка мех и попытался заснуть. Однако две недели, проведенные в плавании на корабле по бушующим волнам с севера Кенеттры в Бельдан, брали свое, все тело

ныло от утомления. Летний замок королевы Бельдана – место холодное и мрачное, в отличие от сияющих светлым мрамором залов и залитых солнцем садов Эстенции. Раффаэле никак не мог привыкнуть к такому студеному лету. Остальным членам Общества Кинжала, наверное, тоже не удавалось толком расслабиться.

Немного погодя Раффаэле вздохнул, скинул с себя меха и встал с постели. Свет очертил упругий живот, сухощавые плечи и тонкую шею. Юноша бесшумно подошел к изножью кровати, где на спинке висело его одеяние. Эту мантию он носил уже давно, потому что несколько лет назад ее подарила ему благородная дама из Кенеттры, герцогиня Кампанская. Она настолько обезумела от любви к Раффаэле, что отдала бóльшую часть своего состояния на поддержку Общества Кинжала. Чем более влиятельными были его клиенты, тем сильнее они старались купить его любовь.

Он задумался, все ли в порядке с герцогиней. Покинув Кенеттру, члены Общества Кинжала отправили голубей своим покровителям. Герцогиня оказалась в числе тех, которые так и не отозвались.

Раффаэле надевает длинную мантию, скрывающую тело от шеи до кончиков пальцев на ногах. Ткань тяжелая и дорогая, она стелется следом за ним и переливается на свету. Он собирает густые длинные черные волосы и скручивает их в изящный узел на макушке. В холодном утреннем свете его волосы отливают сапфировой синевой; прохладная ткань рукавов касается кожи рук.

Раффаэле возвращается мыслями к тому вечеру, когда его покои посетил Энцо и он впервые предостерег принца, высказав свои сомнения по поводу Аделины. Его пальцы на мгновение замирают, остановленные печалью.

Какой смысл жить в прошлом. Раффаэле бросает взгляд на камин и, бесшумно ступая, выходит из комнаты. Тяжелый бархат мантии волочится следом.

Воздух в коридоре спертый – камни, веками копившие в себе сырость, сажа и пепел от столетиями горевших факелов. Постепенно в коридоре становится светлее, гость приближается к выходу в сад летнего замка. Цветы припорошены тонким слоем снега, который растает после полудня. Отсюда Раффаэле видны нижние этажи здания и за ними – скалистое побережье Бельдана. От порывов холодного ветра немеют щеки, волосы хлещут по лицу.

Молодой человек переводит взгляд на большой внутренний двор, расположенный напротив главных ворот в замок.

Обычно в такое время там тихо и спокойно. Но сегодня все пространство двора занято сбежавшими из Эстенции мальфетто, они жмутся к костеркам и кутаются в старые одеяла. Наверное, ночью в порт прибыл очередной корабль с беженцами. Раффаэле рассматривает собравшихся группками людей, потом поворачивается и уходит внутрь замка, чтобы спуститься вниз.

Некоторые мальфетто узнают Раффаэле: когда он выходит во внутренний двор, их лица загораются радостью.

– Это предводитель Общества Кинжала! – восклицает один.

Другие мальфетто бросаются к Раффаэле, им хочется пожать ему руку или просто прикоснуться к плечу, они надеются получить от него утешение. Это ежедневный ритуал. Раффаэле спокойно стоит среди скопища мальфетто. Столько людей молят о помощи.

Раффаэле взглядом выхватывает из толпы лысого паренька, который лишь немного выше его самого. Без волос этот мальфетто остался уже давно, и виной тому лихорадка. Раффаэле

заметил парнишку еще вчера. Он кивает юноше, приглашая выйти вперед. Глаза паренька расширяются от удивления, и он кидается к Раффаэле.

– Доброе утро, – говорит мальфетто.

Раффаэле внимательно глядывается в него:

– Доброе утро.

Юноша понижает голос и, по всему видно, нервничает: ему ведь удалось обскакать всех остальных и привлечь к себе внимание Раффаэле.

– Не могли бы вы прийти к моей сестре? – спрашивает он.

– Да, – без промедления соглашается Раффаэле.

Услышав ответ, лысый паренек расцветает. Как и все остальные, он, кажется, не в силах оторвать взгляд от лица Раффаэле. Он прикасается к руке юного консорта и говорит:

– Сюда пожалуйста.

Раффаэле идет следом за своим проводником мимо групп других мальфетто. Длинная черная отметина, протянувшаяся по всему предплечью. Покрытое шрамами ухо и черные волосы, сбрызнутые сединой. Разные глаза. Раффаэле молча запоминает, как пометила людей лихорадка. Где он ни пройдет, вслед ему несется шепот.

Они добираются до сестры мальфетто. Она притулилась в уголке двора, прячет лицо под шалью. Завидев Раффаэле, девушка сжимается еще сильнее и опускает глаза.

Вот они подходят совсем близко. Юноша склоняется к Раффаэле.

– Инквизитор схватил ее в ту ночь, когда они били витрины магазинов в Эстенции, – вполголоса говорит он, придвигается еще ближе и шепчет что-то на ухо Раффаэле.

Тот слушает и изучает девушку, замечает царапину в одном месте, синяк – в другом, черно-синий оттенок кожи на ногах.

Мальфетто заканчивает рассказ, Раффаэле понимающе кивает. Он подтыкает мантию и опускается перед девушкой на колени. Его обдает волной ее энергии. Он морщится. От нее веет всепоглощающей болью и страхом. Приходит мысль: если бы Аделина была здесь, она бы этим воспользовалась. Раффаэле очень осторожен, старается не дотрагиваться до девушки. Несколько клиентов сотворили с ним то же самое в его опочивальне, где и оставили лежать дрожащим и покрытым синяками и ссадинами. Меньше всего ему тогда хотелось почувствовать прикосновение чьей-нибудь руки к своей коже.

Проходит много времени. Раффаэле сидит и ничего не говорит. Девушка молча смотрит на него, замороженная его лицом. Плечи ее все так же напряжены. Сначала Раффаэле улавливает волну протеста и враждебности, так реагирует девушка на его присутствие. Раффаэле отвечает ей молчаливым взглядом.

Наконец девушка произносит:

– Главный Инквизитор собирается всех нас превратить в рабов. Вот что мы слышали.

– Да.

– Говорят, Инквизитор устроил лагеря для рабов вокруг Эстенции.

– Это правда.

Кажется, девушка удивлена тем, что ее собеседник не намерен смягчать удар.

– Говорят, когда они покончат с этим, то убьют нас всех.

Раффаэле молчит. Он знает, что ему ничего говорить не нужно.

– Общество Кинжала может остановить его?

– Общество Кинжала готово уничтожить его, – отвечает Раффаэле. Слова звучат странно – голос уж слишком мягок, будто металл разрезает шелк. – Я лично жду этого с

нетерпением.

В этот момент девушка встречается взглядом с Раффаэле. Ее глаза снова блуждают по его лицу, будто впитывая эту нежную красоту. Раффаэле протягивает ей руку и терпеливо ждет. Через некоторое время девушка подает свою. Она неуверенно прикасается к Раффаэле и ахает. Через этот контакт Раффаэле мягко потянул за ее сердечные струны, разделил с ней сердечную боль, как мог, смягчил и приглушил ее, заменил горечь покоем. Будто сказал: «Я знаю». Глаза девушки защипало от слез. Она долго не отнимает руку. Но наконец отстраняется и снова сворачивается в клубок, опускает лицо.

– Спасибо вам, – шепчет ее брат. Остальные толпятся за спиной Раффаэле и восхищенно наблюдают за ним. – Она впервые заговорила с тех пор, как мы покинули Эстенцию.

– Раффаэле!

Тишину пререзает голос Люченты. Раффаэле оборачивается и видит Ветроходца. Она прокладывает себе путь сквозь толпу, медные кудряшки так и скачут в воздухе. Она похожа на типичную бельданскую молодую особу, как они выглядят здесь, у себя дома: пышные меха на шее, меховая муфта, в волосах позвякивают нити бус. Лючента останавливается прямо перед Раффаэле.

– Мне неприятно прерывать твой ежедневный лечебный сеанс, – говорит она и кивком призывает его следовать за собой, – но она прибыла вчера поздно вечером и хочет встретиться с нами.

Раффаэле кивает на прощание собравшимся во дворе мальфетто и догоняет Люченту. Она возбуждена, – возможно, оттого, что ей пришлось выследивать Раффаэле, – и беспрестанно потирает руки.

– Кенеттранское лето меня изнежило, – жалуется по пути Лючента. – От этого холода у меня ноют кости. – Раффаэле не отвечает, и она переносит свое раздражение на него. – У тебя и правда так много свободного времени? Ты каждый день делаешь грустные глаза, глядя на беженцев-мальфетто, но это ничуть не приближает нас к тому, чтобы нанести ответный удар инквизиции.

Раффаэле не достаивает ее взглядом.

– Лысый паренек – из Элиты, – отвечает он.

Лючента издает горлом какой-то скептический звук.

– Правда?

– Я заметил это вчера. Энергия очень слабая, но она есть. Пошлю за ним позже.

Лючента сердито смотрит на него. Раффаэле замечает в ее взгляде недоверие, потом раздражение из-за того, что он ее удивил. Наконец девушка пожимает плечами.

– Ах, ты всегда найдешь причину, чтобы оправдать свою доброту, разве не так? – бурчит она себе под нос. – Ну что ж, Микель сказал, что они на холмах. – И Лючента ускоряет шаг.

Раффаэле не добавил, что на сердце у него тяжело, как всегда после встречи с мальфетто, что он хотел бы остаться с ними на более долгое время, что мог бы сделать для них больше. Какой смысл говорить об этом.

– Твоя королева простит меня, – отвечает он.

Лючента фыркает и складывает на груди руки. Она демонстрирует безразличие, но внутри, за парадной вывеской, – Раффаэле чувствует это, – болезненно свиваются в клубок нити энергии. Долгие годы затягивался узел ее страстного желания воссоединиться с принцессой Бельдана. Сколько времени прошло с тех пор, как Люченту впервые изгнали из этой страны и она живет в разлуке с Маэвой? Раффаэле смягчается, он сочувствует своей

спутнице и прикасается к ее руке. Расходящиеся в разные стороны нити энергии слабо мерцают, он дотрагивается до них, гладит, чтобы ее утешить. Лючента смотрит на него, удивленно изогнув бровь.

– Ты с ней увидишься, – говорит Раффаэле. – Я обещаю. Прости, что заставил тебя ждать.

От его прикосновения Лючента слегка расслабляется, внутреннее напряжение спадает.

– Я знаю.

Они добираются до высокого каменного портала, сквозь который можно пройти на широкий луг позади замка. Во дворе тренируется небольшая группа солдат. Люченте приходится сделать крюк, чтобы обогнуть противоборствующие пары, но наконец они с Раффаэле оставляют замок позади и, вступив в высокую траву, поднимаются на небольшой холм. Раффаэле поеживается от ветра, моргает – в глаза летят крупные снежинки – и плотнее заворачивается в накидку.

Наконец, когда они оказываются на вершине холма, появляются двое других членов Общества Кинжала. Микель, он же Архитектор, сменил кенеттранскую одежду на дорогие бельданские меха. Понизив голос, он говорит что-то своей спутнице – Джемме, Похитительнице Звезд, которая упрямо продолжает носить свое любимое платье из Кенеттры. Хотя поверх него накинут бельданский плащ, она дрожит от холода. Они прерывают разговор и поднимают глаза, чтобы приветствовать Люченту и Раффаэле. Взгляд Джеммы долог и полон ожидания: она надеется услышать от Раффаэле какую-нибудь новость о своем отце. Однако тот молча качает головой. Барон Сальваторе – еще один бывший покровитель Общества Кинжала, который не откликнулся на послание, отправленное голубиной почтой. Лицо Джеммы мрачнеет, и она отворачивается.

Раффаэле переключает внимание на происходящее у замка. Солдаты образовали круг на открытом пространстве, внутри его собралась группа вельмож – судя по темно-синим рукавам одежд, это принцы, – там же лежит огромный белый тигр, полосы на его шкуре золотые. Зверь лениво перекидывает с места на место хвост, глаза его сонно прищурены. Все напряженно следят за поединком, который происходит в центре круга. Один из участников боя – принц с длинными светлыми волосами и хмурым лицом. Он делает выпад с мечом.

Его противник – молодая женщина, даже девушка, в отороченной мехом мантии. Крупное золотое украшение горит у нее на щеке, а волосы, наполовину черные, наполовину рыжие, заплетены в косички таким образом, что напоминают взъерошенную шерсть на холке ощерившегося волка. Она с легкостью уклоняется от удара, сверкает улыбкой в сторону принца и заносит свой меч, чтобы скрестить его с оружием соперника. Клинок блестит на свету.

Микель подходит к Раффаэле и тихо произносит:

– Теперь она королева. Ее мать умерла несколько недель назад. Я случайно назвал ее «ваше королевское высочество». Не сделайте той же ошибки.

Раффаэле кивает:

– Спасибо за напоминание.

Ее величество королева Бельдана Маэва. Наблюдая за поединком, Раффаэле хмурится. Вокруг женщины скопилась энергия, так бывает только у Элиты. Но никто никогда не причислял к Элите принцессу Бельдана. Однако все признаки налицо – вот они, двигаются сетью мерцающих нитей вокруг нее. *Интересно, сама она знает?* Зачем держать такое в секрете?

Потом Раффаэле стал наблюдать за одним из принцев, стоящих среди зрителей, – за самым младшим. Тут его озабоченность усиливается еще больше. Вокруг юноши тоже чувствовалась энергия, но не такая, как у Элиты, это не были нити силы, тянущиеся из *живого* мира. Раффаэле смущенно моргает. Когда он попытался прикоснуться к этой странной энергии, то его собственная тут же отшатнулась, сжалась в клубок, будто обожглась о лед.

Лязг мечей возвращает Раффаэле к наблюдению за дуэлью. Маэва снова и снова замахивается на своего старшего брата. Она прижимает его к границе круга, где стоят на страже солдаты, и тут совершенно неожиданно брат начинает яростно отбиваться и отодвигает ее обратно в центр круга. Раффаэле напряженно следит за ними. Несмотря на то что принц на голову выше Маэвы, она не выглядит хоть сколько-нибудь испуганной. Напротив, девушка выкрикивает насмешки, давит на его клинок, хохочет и вертится. Она пытается застать брата врасплох, но тот успеваает разгадывать все ее намерения. Неожиданно принц пригибается и метит нанести удар по ногам. Маэва слишком поздно замечает свою оплошность и падает.

Принц становится над ней, упирает свой меч ей в грудь и качает головой.

– Лучше, – говорит он. – Но ты все равно слишком увлекаешься атакой, забывая следить за тем, что собираюсь сделать я. – Он указывает на свою руку, потом медленно раскачивается. – Видишь это? Вот чего ты пока не уяснила. Оцени угол, прежде чем рискнешь напасть.

– Августин, она это уяснила, – встревает в разговор другой принц. Он подмигивает Маэве. – У нее просто не такая быстрая реакция.

– От твоих атак я сумела бы уклониться, реакции хватило бы, – отозвалась Маэва, нацеливая меч на другого своего брата. Некоторые из принцев, услышав ее ответ, хмыкнули. – И ты доковылял бы до дому к ночи.

Она вставляет меч в ножны, подходит к тигру и чешет его между ушами, после чего кивает Августину:

– Я буду стараться, обещаю. Давай поупражняемся еще вечером.

Принц улыбается своей младшей сестре, отвечает поклон и отвечает:

– Как вам будет угодно.

Затем по знаку, данному братом, Маэва обращает внимание на членов Общества Кинжала. Микель и Джемма тут же опускаются на колени. Взгляд Маэвы прежде всего падает на Люченту – по лицу королевы пробегают вспышка узнавания, и легкомысленное настроение мигом улечивается. Маэва становится серьезной. Она ничего не говорит – ждет, пока Лючента падет ниц и опустит голову, ее кудри свешиваются вперед. Маэва задерживается на ней еще на мгновение. Потом ее пронзительный взгляд перелетает к Раффаэле, тот опускает ресницы и следует примеру Люченты.

– Ваше величество, – говорит он.

Маэва кладет руку на рукоять меча. Щеки ее горят от возбуждения схватки.

– Посмотри на меня, – приказывает она. Когда Раффаэле повинуется, она продолжает: – Ты Раффаэле Лоран Бессет? Вестник?

– Да, это я, ваше величество.

Некоторое время Маэва разглядывает его. Кажется, она изучает его глаза: сперва левый – зеленый, как лето, потом правый – медово-золотистый. На ее лице вспыхивает дикая улыбка, сверкает оскал зубов.

– Ты действительно прекрасен, как о тебе говорят. Звучное имя подходит к красивому лицу.

Раффаэле позволяет себе залиться краской, привычно мягко склоняет голову. Он всегда так поступает со своими клиентами.

– Вы делаете мне честь, ваше величество. Я польщен, что моя известность достигла уже такого отдаленного края, как Бельдан.

Маэва задумчиво смотрит на него:

– Ты был доверенным советником Энцо. Он говорил о тебе с большой приязнью. А теперь, как я вижу, ты вместо него стал предводителем Общества. Мои поздравления.

Раффаэле мрачнеет. Он пытается справиться со знакомой болью, которую вызывает у него имя Энцо. Сердце его учащенно бьется.

– Я не праздную это.

Взгляд Маэвы на мгновение смягчается, возможно от воспоминания о смерти ее собственной матери. Похоже, в смерти Энцо ее интересует что-то еще – Раффаэле замечает мимолетную эмоцию в ее сердце, – но Маэва решает не останавливаться на этом, что его удивляет.

– Разумеется, нет, – наконец произносит она.

Августин шепчет что-то на ухо сестре. Юная королева склоняется к нему, и, хотя ее внимание остается прикованным к Раффаэле, по движению ее энергии Вестник догадывается: на самом деле ей сейчас гораздо интереснее Лючента.

– Смерть принца Энцо невыгодна мне, я ведь надеялась, что он откроет торговлю между Кенеттрой и Бельданом. Вам она тоже ни к чему, Вестник, потому что он оставил Общество Кинжала без руководителя. К тому же и король умер. Вместо него, по вашим словам, сейчас правит Джульетта, и новые беженцы-мальфетто каждый день прибывают в мою страну.

– Вы проявляете доброту, принимая нас, ваше величество.

– Чепуха!

Маэва делает взмах рукой, приказывая всем подняться с колен. Они повинуются, и тогда она свистом подзывает коней. Белый тигр встает со своего места и неспешно подходит к хозяйке.

– Боги создали кровавую лихорадку, Раффаэле, – говорит королева, пока все усаживаются в седла, – и они же сотворили меченых и Элиту. – Маэва пятками прищипывает коня и возглавляет движение колонны всадников к вершине более высокого холма. – Я принимаю вас не из доброты. Сейчас Общество Кинжала ослаблено. Предводитель убит, и до меня доходили слухи, что одна из ваших оказалась предательницей, стала работать на инквизицию. Покровители Общества или отказались от вас и разбежались, или были захвачены в плен и убиты.

– За исключением вас, – вставил Раффаэле, – ваше величество.

– За исключением меня, – согласилась она. – И у меня все еще есть интерес к Кенеттре.

Раффаэле едет молча, молодая королева ведет их вдоль обрыва, где-то далеко внизу волны прибоя с шумом разбиваются о камни.

– Для чего вы привели нас сюда? – спрашивает Раффаэле.

– Позвольте мне показать вам кое-что.

Маэва еще некоторое время едет по краю обрыва, пока наконец не достигает места, где естественный изгиб скалы сформировал укрытие от злого ветра. Отсюда прекрасно видна бухта.

Глаза Раффаэле расширяются. За его спиной тихо ахает Лючента.

Все пространство внизу усеяно бельданскими военными кораблями. Их здесь сотни. Матросы снуют вверх и вниз по сходням, грузят на палубы ящики. Корабли стоят по всей бухте и далеко в море, куда уходит зубчатая дорожка скал.

Раффаэле поворачивается к Маэве:

– Вы планируете вторжение в Кенеттру?

– Если я не могу получить наследного принца-мальфетто на троне, значит я сделаю это сама. – Королева выдерживает паузу и изучающе смотрит в лицо Раффаэле: как он отреагирует? – Но я рассчитываю на вашу помощь.

Раффаэле молчит. В последний раз Бельдан воевал с Кенеттрой больше ста лет назад. Если бы все это увидел Энцо, что бы он подумал? Передал бы корону иноземной владычице? «Это не имеет значения, – с горечью напоминает сам себе Раффаэле. – Потому что Энцо мертв».

– Какая помощь вам нужна? – спрашивает Раффаэле немного погодя.

– Я слышала, что за смертью короля стоял мастер Терен Санторо. Это правда?

– Да.

– Почему он желал смерти короля?

– Потому что состоит в любовной связи с королевой Джульеттой. Она держит Терена при себе, помимо прочего, и за его помощь.

– Ах! Любовник, – говорит Маэва. В этот момент Лючента бросает на королеву быстрый взгляд. – Она молода, неопытна и уязвима. Я хочу ослабить инквизицию и армию Джульетты. Чем вы можете помочь мне в этом?

Лицо Раффаэле выражает сосредоточенность.

– Джульетта сильна, когда рядом с ней Терен. – Он обменивается взглядами по очереди со всеми членами Общества Кинжала. – Но Терен руководствуется мотивами более сильными, чем его королева: он верит, что предназначен богами уничтожать мальфетто. Если мы сумеем разрушить взаимное доверие и разлучим их, тогда вторжение будет иметь больше шансов на успех. А чтобы они перестали верить друг другу, надо заставить Терена послушаться королеву.

– Он никогда этого не сделает, – вмешивается Лючента. – Вы видели Терена рядом с Джульеттой? Вы слышали, как он говорит о ней?

– Да. – Микель складывает на груди руки. – Терен послушен королеве, как собака. Он скорее умрет, чем обидит ее.

Тут заговорила даже Джемма, которая до сих пор молчала:

– Если вы хотите настроить их друг против друга, нам нужно проникнуть в город. Сейчас попасть в Эстенцию почти невозможно. Все мальфетто изгнаны за пределы городских стен. Инквизиция охраняет каждую улицу. Мы не сможем перебраться через стены или войти в ворота даже с помощью силы Люченты. Там слишком много солдат.

Щеки Маэвы утопают в мехах.

– В Кенеттре – новая правительница, – говорит она. – Согласно традиции я должна отправиться морем в Эстенцию и лично увидеться с королевой, принести дары и приветствовать – подтвердить добрые намерения. – Королева вскидывает бровь и улыбается. У нее за спиной Августин издаст короткий смешок. Маэва снова смотрит на Раффаэле. – Я проведу тебя в город, мой Вестник, если ты сможешь вбить клин между королевой и инквизитором.

– Я консорт. Я найду способ.

Некоторое время Маэва молча смотрит на свой готовящийся к походу флот.

– Но есть кое-что еще, – говорит она, не глядя на собеседника.

– Да, ваше величество?

– Скажи мне, Раффаэле, – продолжает она, повернув к нему голову, – что чувствуешь мою силу.

Она произносит это достаточно громко, чтобы остальные члены Общества Кинжала слышали. Микель, который стоит ближе всех, при этих словах замирает. Джемма делает резкий вдох. Но больше всего обращает на себя внимание Раффаэле реакция Люченты: ее лицо вдруг становится болезненно-бледным, в глазах застывает удивление. Она смотрит на Раффаэле.

– Ее силу? – спрашивает она, впервые забывая назвать Маэву в соответствии с ее титулом.

Раффаэле медлит с ответом, потом склоняет голову перед юной королевой:

– Я чувствую. Я полагал неприличным спрашивать, пока вы сами не решите поделиться этим.

Маэва слегка улыбается:

– Тогда для вас не будет сюрпризом, если я скажу, что сама тоже принадлежу к Элите.

Она не подает виду, что заметила бурную реакцию Люченты, но бросает на нее мимолетный взгляд.

Раффаэле качает головой:

– Меня это не удивляет. Хотя на других членов Общества, наверное, произвело впечатление.

– А можешь ты догадаться, что я делаю?

Раффаэле вытягивает руку, чтобы изучить энергию, которая окружает Маэву. Ощущение знакомое, от него у Раффаэле мороз бежит по коже. Что-то роднит эту женщину с тьмой, с ангелами страха и ярости, с богиней смерти. То же родство он чувствовал и в Аделине. Одно воспоминание о ней, и рука Раффаэле крепче сжимает поводья.

– Не могу догадаться, ваше величество.

Маэва оборачивается через плечо и смотрит на самого младшего из принцев, лицо которого до сих пор скрыто под дуэльной маской.

– Тристан, покажи нам свое лицо.

Остальные ее братья смолкают, услышав это приказание. Раффаэле чувствует, как сердце Люченты рвется из груди, и когда он смотрит на девушку, то замечает, что глаза у нее широко раскрыты. Младший из принцев кивает, поднимает руку и стягивает с лица маску.

Он похож на Маэву, так же как и другие братья. Однако, в отличие от остальных, он не выглядит нормальным и здоровым, нет – энергия темных сил вьется вокруг него, и это тревожит Раффаэле.

– Мой младший брат, принц Тристан, – представляет его Маэва.

Тишину первой нарушает Лючента.

– В своих письмах ты говорила мне, что ему удалось выбраться, – запинаясь, лепечет она. – Ты сообщала, что он не умер.

– Он не умер. – Маэва мрачнеет. – Потому что я вернула его.

Лючента бледнеет.

– Это невозможно. Ты сказала, он едва не утонул, и твоя мать, королева-мать, изгнала

меня за то, что ее сын подвергся смертельной опасности. Это невозможно. Ты... – Она поворачивается к Маэве. – Ты ничего не говорила мне. В твоих письмах об этом не было ни слова.

– Я не могла сказать тебе, – резко отвечает Маэва, потом продолжает, но уже спокойнее: – Моя мать просматривала каждое письмо, которое покидало стены дворца, особенно адресованные тебе. Я не хотела рисковать, она не должна была узнать о моих силах. Она, как и ты, как все, считала, что Тристан не умирал, потому что я вернула его той самой ночью, когда она выгнала тебя.

Раффаэле молча смотрит, он не в силах поверить в то, что видит. Нити энергии, не принадлежащие к миру живых. Однако он мигом понимает, почему Маэва все это им сообщает.

– Энцо, – шепчет он. – Ты хочешь...

– Я хочу вернуть твоего принца, – завершает фразу Маэва. – Тристан, как ты сам видишь, снова способен наслаждаться жизнью. Но важнее этого то, что он принес с собой часть Нижнего мира. Теперь он сильнее десятка человек.

От мысли о том, что Энцо снова окажется среди живых, у Раффаэле перехватывает дыхание. Мир начинает качаться. *Нет. Погодите.* С принцем Тристаном связано что-то еще, о чем королева умалчивает.

– А что происходит с членами Элиты, которые оживают? – спрашивает Раффаэле.

Маэва вновь улыбается:

– Если представитель Элиты возвращается к жизни, он увеличивает свои силы. И настолько могущественный человек, каким был Энцо, в случае воскрешения может стать практически непобедимым. Я хочу, чтобы он был на нашей стороне, когда мы атакуем Кенеттру. Это будет проверка, мое творение Элиты из Элит. – Королева склоняется к Раффаэле. – Подумай о возможностях – о других умерших из Элиты, которых я могу воскресить, о необоримой силе, которая окажется на нашей стороне.

Раффаэле качает головой. Он должен бы переполниться радостью от мысли о новой встрече с принцем. *Почему я не радуюсь? Отчего меня это пугает?* Энергия Тристана отмечена печатью Нижнего мира.

– Ты сомневаешься, что это сработает, – говорит Маэва. – Те, кого я верну, будут навеки привязаны к кому-то из мира живых. Им необходимы нити связей с живыми, чтобы те удерживали их от постоянного притяжения Нижнего мира. Тристан привязан ко мне, он предоставляет мне определенный уровень контроля над собой – для защиты. Энцо тоже должен быть привязан к кому-то.

Привязан ко мне. Раффаэле прищуривается и смотрит на королеву. *Вот что она намерена сделать.*

– Я не могу участвовать в этом, – наконец произносит он. Голос его тверд, хотя и с хрипотцой. – Это нарушает божественный порядок.

Голос Маэвы становится резким.

– Я – дитя богов! – кричит она. – Мне дарована сила. Это благословение богов, и никакого порядка оно не нарушает.

Раффаэле склоняет голову. У него трясутся руки.

– Я не могу с этим согласиться, ваше величество, – повторяет он. – Душа Энцо отправилась на покой в Нижний мир. Отрывать его от святой Моритас, возвращать назад в реальный мир... Он больше к нему не принадлежит. Оставьте его в покое.

– Я не спрашиваю твоего позволения, консорт, – твердо отвечает Маэва. Когда тот поднимает на нее глаза, она гордо вскидывает подбородок. – Вспомни, Раффаэле: Энцо был наследным принцем Кенеттры. Он мальфетто, Элита, твой бывший предводитель. И он не заслуживал смерти. Его нужно вернуть, чтобы он увидел живущих в стране мальфетто защищенными. Править Кенеттрой буду я, но в мое отсутствие власть будет принадлежать ему. – Взгляд Маэвы тяжел, как камень. – Разве не за это так долго сражались ты и твои друзья из Общества Кинжала?

Раффаэле молчит. Ему снова семнадцать, он стоит перед морем собравшихся во Дворе Фортунаты вельмож и впервые чувствует в толпе энергию Энцо. Потом оказывается в подземной тренировочной пещере бывшего дома Общества Кинжала и наблюдает за поединками, которые ведет принц. Раффаэле смотрит на Микеля, на Джемму, затем – на Люченту. Те отвечают на его взгляд мрачно и молча. Должно быть, они все этого хотят.

Но Энцо умер. Они попечалились и смирились с утратой. А теперь...

– Я верну его и привяжу его к любому, кто согласится. – Потом голос Маэвы становится более мягким. – Но я предпочла бы привязать его к тем, кто больше других любит его. В этом случае связь с живыми крепче.

Раффаэле продолжает хранить молчание. Он закрывает глаза, старается успокоить мятущийся ум, отстраниться от будоражащего сознание ощущения, что сама идея порочна. Наконец он открывает глаза и встречается взглядом с королевой:

– Он будет таким же?

– Этого мы не узнаем, – медленно отвечает Маэва, – пока не попробуем.

Сцена VII

Уходят все, кроме Юноши.

Юноша. Ты огр?

Входит Огр.

Огр. Ты рыцарь?

Юноша. Не рыцарь я! И не царь, не разведчик, не священник.

Поэтому ты можешь не волноваться за свои сокровища, я их не украду.

Новый перевод «Искушения драгоценностями» Тристана Кирслея

Малые купальни Бетесды на деле оказались развалинами на окраине Меррутаса.

На следующий день рано утром, когда солнце взошло над горизонтом и рыбацкие лодки вышли в море, мы с Виолеттой идем по грязной улице, которая ведет от главных ворот города-государства к скоплению заброшенных, крытых куполами домов, примостившихся под каменными арками бывшего акведука.

Наверное, прежде это место бурлило жизнью. Но само здание – или то, что от него осталось, – было построено на непрочном основании, что и определило судьбу строения. Люди перестали пользоваться купальней, следом опустели и находившиеся рядом дома. Или, может быть, сперва разрушился и перестал поставлять воду акведук. Когда-то впечатляющие колонны, обрамлявшие вход на него, подломились, а их каменный фундамент увяз в болотистой почве. По обломкам колонн взбираются лозы дикого винограда, на них трепещут зеленоватые и желтые соцветия. Меня сильно влечет к себе красота этих руин.

– Он здесь, – шепчет у меня за спиной Виолетта, от напряжения нахмурил брови.

– Хорошо.

Я поправляю маску на своем изувеченном лице и подхожу ко входу.

Внутри купальни прохладно и темно, высокие каменные своды потолка поросли мхом, снизу к ним подбирается плющ. Сквозь отверстия в потолке внутрь пробиваются узкие лучи света, на полу видны лужи. Мы осторожно идем вдоль древней мраморной колоннады. Воздух пахнет мускусом и какой-то влажной зеленой жизнью. Отовсюду слышится эхо падающих капель.

Наконец я останавливаюсь у края бассейна и шепчу:

– Где же он?

Виолетта поднимает голову к потолку, делает пол-оборота вокруг себя и устремляет взгляд в темный угол:

– Там.

Я напряженно вглядываюсь во тьму и кричу:

– Маджиано! – Собственный голос пугает меня – он эхом отражается от стен и повторяется снова и снова, пока наконец не стихает. Я откашливаюсь, немного смущенная, и продолжаю уже тише: – Нам сказали, что тебя можно найти здесь.

Тишина стоит долго, так долго, что я начинаю сомневаться, не ошиблась ли Виолетта.

Потом раздается чей-то смех. Звук перекачивается по залу, скачет между колоннами, и на его фоне мы слышим тихий шелест шагов и видим лиственный ливень, срывающийся с заросших плющом перил. В лучах света то тут, то там мелькают черные косички. Я инстинктивно выставляю руку и загораживаю Виолетту.

– Аделина, – раздается игривый голос, – как приятно видеть тебя.

Я пытаюсь точно определить, откуда исходит голос, но эхо делает это невозможным.

– А ты – Чародей? – кричу я. – Или просто разыгрываешь нас?

– Помнишь комедию под названием «Искушение драгоценностями»? – продолжает невидимый собеседник после паузы. – Эту пьесу впервые показали в Кенеттре года два назад, с большой помпой, но инквизиция тут же ее запретила.

Я помню. «Искушение драгоценностями» – это история о глупом и заносчивом рыцаре, который без конца хвастал, что может украсть сокровища из логова огра, но его обставил один нахальный паренек и первым захватил приз. Пьесу написал Тристан Кирслей, тот самый знаменитый мастер, из-под пера которого вышла «История о Похитительнице Звезд». Последнее представление «Искушения...» состоялось в Далии, и театр был переполнен.

Похитительница Звезд. Я качаю головой, стараясь не вспоминать о Джемме и остальных.

– Да, конечно, – отвечаю я. – А при чем тут она? Ты что, поклонник Кирслея?

Новый взрыв смеха разносится эхом по обширному пространству купальни. Снова шарканье шагов, листопад с перил балюстрады где-то у нас над головой. На этот раз мы смотрим вверх и замечаем темный силуэт, примостившийся на прогнившем деревянном бруске прямо у нас над головами. Я делаю шаг в сторону, чтобы лучше рассмотреть его. Все, что мне удастся различить в темноте, – это пара золотистых глаз, с любопытством на меня глядящих.

– А при том, – отвечает парень, – что я вдохновил автора на ее написание.

Смех срывается с моих губ прежде, чем я успеваю остановить его.

– Ты вдохновил Кирслея на пьесу?

Парень свешивает ноги с бруса. Я замечаю, что он бос.

– Инквизиция запретила пьесу, потому что в ней говорилось о краже драгоценных камней из королевской короны.

Я ловлю скептический взгляд Виолетты и припоминаю слухи, которые до нас доносились: мол, Чародей похитил корону королевы Джульетты.

– А на чей образ ты его вдохновил – сообразительного паренька или надменного рыцаря? – подшучиваю над ним я.

Теперь мне видны в темноте его ярко-белые зубы. Такая беззаботная улыбка.

– Ты обижаешь меня, любовь моя, – говорит он, потом достает что-то из кармана и бросает нам.

Предмет, посверкивая, прочерчивает в воздухе прямую линию и падает в самую мелкую часть бассейна.

– Вчера вечером ты забыла свое кольцо, – сообщает незнакомец.

Мое кольцо? Я торопливо подхожу к бассейну, опускаюсь на колени и вглядываюсь в воду. В солнечном пятне поблескивает серебряное кольцо, будто подмигивает мне. Это украшение я носила на безымянном пальце. Закатываю рукав, достаю его и зажимаю в кулаке.

Он не мог снять его с меня прошлой ночью. Невозможно! Он даже не прикасался к моей

руке. Он вообще не спускался с балкона!

Парень смеется, а потом бросает что-то, на этот раз в направлении Виолетты.

– Давайте-ка посмотрим, что еще... – Вещица планирует вниз, и я вижу, что это лента от одежды. – Кушак от вашего платья, моя госпожа, – говорит он Виолетте и насмешливо кивает. – Как только вы вошли в эту купальню...

Он бросает вниз еще несколько наших вещей, включая золотую булавку с моей головной повязки и три драгоценных камня с рукавов Виолетты. Волоски у меня на руках встают дыбом, а парень продолжает игриво распекать нас:

– Вы обе очень рассеянные.

Виолетта нагибается подобрать свои вещи. Аккуратно прикрепляя украшения обратно на платье, она косится на Маджиано.

– Вижу, Аделина, мы нашли выдающегося местного жителя, – тихо говорит она мне.

– Эта демонстрация дешевых уличных трюков должна впечатлить нас? – кричу я, запрокинув голову.

– Глупышка. Я понимаю, что тебя на самом деле интересует. – Он выскакивает на освещенное место. – Ты хочешь знать, как мне удастся это сделать. Сама-то ведь даже не представляешь, верно?

Перед нами тот же парень, с которым мы общались вчера вечером. Толстые веревки косиц свешиваются на плечи, одет он в разноцветную тунику, на которую нашито что попало – от кусочков шелка до огромных коричневых листьев. Приглядевшись внимательнее, я обнаруживаю, что листья на самом деле металлические. Золотые.

Улыбку его я уже успела запомнить – роковая, жесткая, – ясно, что он оценивает нас по всем параметрам и все примечает. От его взгляда у меня по спине пробегает холодок. Приятный холодок.

Знаменитый Чародей.

– Признаюсь, мне непонятно, как ты сумел забрать принадлежащие нам вещи, – говорю я, решительно вскидывая голову. – Пожалуйста, просвети нас.

Парень вытаскивает из-за спины лютню и несколько раз ударяет по струнам.

– Так, значит, вы все-таки под впечатлением.

Я перевожу взгляд на инструмент. Это не та лютня, что была у него вчера. Инструмент роскошен, инкрустирован сверкающими бриллиантами и изумрудами, струны позолочены, колки на грифе сделаны из драгоценных камней. В целом вещь выглядит аляповатой и безвкусной.

Маджиано протягивает нам лютню, чтобы мы полюбовались. Инструмент ярко сияет на свету.

– Разве она не восхитительна? Это лучшая лютня, какую можно позволить себе после удачной ночи за игровым столом.

Так вот, значит, на что знаменитый вор тратит свои доходы.

– И где тебе удалось раздобыть этого монстра? – выпаливаю я, не успев хорошенько обдумать слова.

Чародей удивленно моргает, потом обиженно хмурится и прижимает лютню к груди:

– Я считаю, она прелестна.

Мы с Виолеттой переглядываемся.

– В чем твоя сила? – спрашиваю я. – Все говорят, что ты из Молодой Элиты. Это правда? Или ты просто парень со способностями к воровству?

– А что, если я не из Элиты? – насмешливо спрашивает он. – Вы будете разочарованы?

– Да.

Он опирается на балку, обнимает свою лютню, бросает на меня взгляд, полный звериной мощи, и говорит:

– Хорошо. Я просвещу вас. – Он прикусывает губу. – Ты ведь умеешь создавать иллюзии, да?

Я киваю, и Маджиано указывает на меня:

– Тогда сотвори что-нибудь. Что угодно. Давай. Преврати эти развалины во что-нибудь прекрасное.

Понимаю: он бросает мне вызов. Я смотрю на Виолетту: та пожимает плечами, будто давая мне разрешение. Тогда я делаю вдох, тянусь к спрятанным в глубине меня нитям, выпускаю их наружу и начинаю плести.

Все вокруг нас, внутри здания, преобразуется в видение зеленого холма под грозовым небом. С одной стороны картину замыкает спускающийся уступами водопад, гигантские балиры поднимают корабли из океана на вершину холма, откуда обрывается вниз вода, и осторожно опускают их в мелкие, находящиеся на возвышении моря. Далия – город, где я родилась. Продолжаю плести. Нас овеивает теплый ветерок, воздух наполняется запахом приближающегося дождя.

Маджиано широко раскрытыми глазами следит за переменной иллюзий. В этот момент от его озорства и бравады не остается и следа – он моргает, будто не в силах поверить тому, что видит, и наконец поворачивается ко мне с восхищенной улыбкой:

– Сделай что-нибудь еще.

От его восхищения моими способностями я слегка расправляю плечи, убираю иллюзию Далии и погружаю нас в сумеречные глубины отходящего ко сну океана. Мы плывем по поверхности темной воды, освещенной лишь редкими лучами тусклого голубого света. Потом океан исчезает, вместо него – полночь на горе, которая возвышается над Эстенцией, над горизонтом висят три огромные луны.

Наконец я сворачиваю иллюзии, и мы снова оказываемся посреди знакомых развалин. Маджиано качает головой, глядя на меня, но ничего не говорит.

– Твоя очередь. – Я складываю на груди руки. Тело болезненно гудит от растраты энергии. – Покажи нам свою силу.

– Это по-честному, – кивает он.

Виолетта берет меня за руку, одновременно с этим нечто невидимое заглушает мою связь с собственной темной энергией, и мир вокруг нас исчезает.

Я поднимаю ладонь, чтобы заслонить глаза от бриллиантового света. Он так ярок, что буквально обжигает. В этом ли сила Чародея? *Нет, не может быть!* Постепенно свет меркнет, и у меня появляется возможность оглядеться. Купальня на месте, мы – внутри ее... но – и это для меня шок – она стала такой, какой была раньше. Ни мох, ни плющ не свисают с разрушенных колонн, дыр в осыпающемся куполе тоже не видно, и солнечные зайчики, проникшие сюда сквозь отверстия в потолке, не скачут на полу. Ничего этого нет. Рядами стоят новые, отполированные до блеска колонны, по поверхности воды в бассейне плавают лепестки цветов, а над ней клубятся облачка пара. По краям бассейна выстроились статуи богов. Я хмурюсь и моргаю, стараясь скинуть наваждение. Рядом со мной с разинутым ртом стоит Виолетта. Она пытается что-то сказать и наконец шепотом произносит:

– Это нереально.

Это нереально. Конечно нет – с этими словами я понимаю, что уловила энергию, которую излучает место; миллионы нитей удерживают все это. Восстановленные купальни – иллюзия. Такая же, какие способна создавать я. На самом деле нити энергии, которые сотворили образ, я ощущаю как свои собственные.

Еще один создатель иллюзий?

Я не понимаю. Как он мог сделать нечто с помощью силы, которая принадлежит мне?

Иллюзия прекращается без предупреждения. Храм, залитый ярким светом, пар над водой, статуи – все исчезает в мгновение ока, и мы снова оказываемся в темном провале полуразрушенных купален с их поросшей зеленью оболочкой. Перед глазами у меня плавают пятна света. Приходится привыкать к темноте почти так же, как если бы меня ослепило что-то в реальности.

– Знай я тебя раньше, – задумчиво произносит Маджиано, беспечно болтая ногами, – то уже давно научился бы делать такие вещи.

Я откашливаюсь и стараюсь выглядеть не так уж сильно изумленной.

– Ты... ты обладаешь такой же силой, как я?

Неуверенность в моем голосе позабавила Маджиано. С впечатляющей грациозностью он вскакивает на ноги и делает на балке оборот вокруг себя, будто танцует. Кажется, это не требует от него никаких усилий.

– Не говори глупостей. Так не бывает, чтобы два представителя Молодой Элиты обладали абсолютно одинаковыми силами.

– Тогда...

– Я имитирую, – продолжает Маджиано. – Стоит мне встретить кого-нибудь из Элиты, когда он или она применяет свои силы, я мигом считываю переплетение нитей энергии. А потом копирую то, что увидел. – Он останавливается, чтобы одарить меня широкой улыбкой, которая едва не рассекает его лицо надвое. – Так ты спасла мне жизнь и сама даже не знаешь об этом. Когда ты сидела в тюремной камере, соседней с моей, я симитировал твои действия. Мне удалось выбраться из застенка, заставив стражу подумать, что камера пуста. Они пришли разбираться, в чем дело, и я выскользнул наружу, как только они открыли дверь.

Постепенно до меня начинает доходить.

– И ты можешь скопировать любого из Элиты?

Маджиано пожимает плечами:

– Когда я заблудился и остался без денег в Солнечных землях, то подражал человеку из Элиты по имени Алхимик и превратил целую повозку шелка в золото. Когда сбежал от инквизиции в Кенеттре, то скопировал способности Главного Инквизитора к целительству, чтобы защититься от стрел, которыми осыпали меня его люди. – Маджиано раскидывает руки, едва не роняет свою лютню, но вовремя подхватывает ее. – Я – яркая, разноцветная рыба, которая притворяется ядовитой. Понимаешь?

Подражание. Я смотрю на свою руку, шевелю пальцами, любясь сверкающим на свету кольцом. Потом кощусь на пояс Виолетты, которым вновь подвязано платье.

– Когда ты украл наши вещи, – медленно произношу я, – ты использовал свою силу против нас.

Маджиано подстраивает струну лютни.

– Я использовал твою силу против вас обеих. Кольцо у тебя на пальце заменил иллюзией и стянул его, пока прикидывался, что толкусь на балконе от нечего делать.

Конечно. Я бы тоже могла так сделать, да и уже делала раньше, когда крапа деньги из кошельков вельмож. Сглатываю, пытаюсь оценить, насколько в действительности силен Маджиано. Сердцебиение у меня учащается.

Сомнение Виолетты в способностях нашего нового знакомого сменилось восхищенным удивлением.

– Это означает, что, находясь среди определенного круга людей, ты можешь сделать все.

Маджиано изображает, будто только что и сам пришел к такому же выводу, и его глаза насмешливо округляются.

– Да ну. Теперь я уверен, ты права.

Он закидывает лютную за спину, семенит вдоль потолочной балки, пока не достигает колонны, потом соскакивает на нижнюю перекладину и садится на нее. Теперь он настолько близок к нам, что я могу разглядеть целую связку пестрящих разными цветами ожерелий у него на шее. Еще драгоценности. И теперь мне ясно, почему его глаза вызывали у меня такое беспокойство: это странно, но зрачки кажутся овальными – темными щелочками, как у кота на детском рисунке.

– Ну ладно, – говорит Маджиано. – Мы представились друг другу, теперь между нами все ясно и любезничать ни к чему. Скажите мне, что вам нужно?

Я делаю глубокий вдох и говорю:

– Мы с сестрой скрываемся от инквизиции. Сейчас направляемся на юг, где они нас не достанут, пока мы не наберем довольно союзников, чтобы вернуться в Кенеттру и взять реванш.

– Так вы хотите отомстить инквизиции.

– Да.

– Вы и остальные наши. – Маджиано фыркает. – За что? За то, что они посадили тебя в тюрьму? Или потому, что они на всех наводят ужас? Если дело в этом, то вам лучше оставить их в покое. Поверьте мне. Сейчас вы на свободе. Зачем возвращаться обратно?

– Ты слышал последние новости из Эстенции? О королеве Джульетте? И ее брате...

Слова о смерти Энцо застревают у меня в горле, даже сейчас я все еще не могу произносить их.

– Да. – Маджиано кивает. – Вести распространяются быстро.

– И ты также в курсе, что мастер Терен Санторо планирует уничтожить всех мальфетто в Кенеттре? Он – щенок королевы, она даст ему возможность исполнить задуманное.

Маджиано прислоняется к колонне. Если эта новость и взволновала его, то виду он не подал. Он собирает свои косички и перекидывает их все на одно плечо.

– Так вы, значит, планируете остановить маленькую военную кампанию безжалостного Терена. И пытаетесь собрать команду из Молодой Элиты, которая поможет вам сделать это.

– Да. – Мои надежды слегка укрепляются. – А ты – представитель Элиты, о котором мы слышали больше всего.

Маджиано выпрямляется, глаза его светятся от удовольствия.

– Вы льстите мне, любовь моя. – Он скорбно улыбается мне. – Но, я боюсь, одной лести недостаточно. Я работаю один и вполне доволен своим нынешним положением, и мне ничуть не интересно ввязываться в благородные дела. Вы только зря потратили на меня свое время.

Надежды, которые едва затеплились во мне, исчезают так же быстро, как появились. Я больше не могу держать осанку – плечи опускаются. Конечно, к человеку с такой репутацией

среди Элиты, как у этого парня, нужно было обращаться в последнюю очередь. С чего я решила, что он согласится помогать нам?

– Почему ты работаешь один?

– Потому что не люблю делиться добычей.

Я поднимаю голову и слегка хмурюсь. «Он должен присоединиться к нам», – настаивает шепоток у меня в голове. Члены Общества Кинжала пошли бы на убийство ради того, чтобы иметь на своей стороне члена Элиты, обладающего такой силой, как Чародей. Что бы сказал Энцо или Раффаэле, чтобы склонить его к вступлению в Общество Кинжала? Вспоминаю, как Энцо вербовал меня, что шептал мне на ухо. *Ты хочешь наказать тех, кто плохо обращался с тобой?*

Виолетта сжимает мою руку в темноте. Косится на меня уголком глаза.

– Найди его слабости, – тихо произносит она. – Чего он хочет.

Я пытаюсь сменить тактику.

– Если ты самый известный вор в мире, – говорю я Маджиано, – и настоящий мастер своего дела, как же случилось, что ты попался в лапы инквизиции?

Маджиано ставит локоть на колено и свешивает вниз ноги. Он усмехается, в этой усмешке сквозит легкое удивление... но за ней я вижу то, на что надеялась, – искру раздражения.

– Им повезло.

В прежде беспечном тоне появляются резкие нотки.

– Или, может быть, ты проявил неосмотрительность? – не отстаю я. – Или преувеличиваешь размеры своего дарования?

Усмехающиеся губы Маджиано чуть заметно вздрогнули. Он вздыхает и закатывает глаза:

– Как тебе, должно быть, известно, я был в Далии, чтобы украсть ларец с редкими сапфирами, который доставили на Думор в качестве подарка герцогу. И единственная причина, по которой инквизиции удалось сцапать меня, заключается в том, что я вернулся за еще одним сапфиром, а делать этого не следовало. – Он поднимает руки. – В свою защиту могу сказать: это был очень крупный сапфир.

«Он не всегда способен сдерживать себя», – делаю я вывод. Вот почему представитель Элиты, окруженный, вероятно, самой громкой и зловещей славой, до сих пор зарабатывает на жизнь уличными азартными играми. Вот почему он потратил целый кошель выигранных за ночь золотых талантов на ненужную, утыканную драгоценными камушками лютню. Вот почему на его одежду нашиты золотые листья. Ему всегда не хватает золотых талантов в карманах или перстней на пальцах, особенно если он знает, что можно достать больше. Да, он ловкач, но деньги, которые сами плывут к нему в руки, утекают в никуда прямо у него между пальцами.

Виолетта крепче сжимает мою руку, и это говорит, что она пришла к точно такому же заключению. Это наше открытие.

– В королевской сокровищнице Кенеттры сапфиров в тысячу раз больше, чем в Далии. Мы с тобой оба знаем это. Однажды тебе удалось стащить камни из короны. А теперь представь все золото, которое стоит за этой короной.

Как и ожидалось, глаза Маджиано засияли так ярко, что мне пришлось сделать шаг назад. Он с недоверчивым видом склоняет набок голову:

– Ты произносишь это так, будто я никогда не задумывался о том, чтобы опустошить

королевскую сокровищницу Кенеттры.

– Так почему ты до сих пор этого не сделал?

– Как ты наивна! – Он качает головой, разочарованный моим ответом. – Ты хоть представляешь себе, сколько стражников охраняет это золото? По скольким разным местам оно разложено? Даже задумываться о том, что можно забрать его все, – это большая глупость. – Маджиано шмыгает носом. – Но мне на мгновение показалось, что у тебя самой была волшебная идея позаимствовать его.

– Была и есть.

Маджиано издает короткий смешок, но я могу точно сказать: теперь он смотрит на меня серьезно.

– Тогда, Аделина, прошу тебя, поделись. Ты и правда считаешь, что вся королевская сокровищница Кенеттры может стать твоей?

– Нашей, – поправляю я его. – Если ты присоединишься к нам, тебе больше никогда не придется драться за золото.

Маджиано снова смеется:

– Теперь я точно знаю, что ты лжешь. – Он наклоняется вперед. – Ты что, собираешься окутывать себя иллюзией, проникать в сокровищницу и забирать по горсти золота зараз? Ты знаешь, сколько жизней тебе потребуется на это, даже если ты будешь делать по десять ходок за ночь? И даже если тебе удастся украсть все это золото, как вывезти из страны хотя бы часть? Даже из Эстенции? – Парень становится на ноги, легко подскакивает к тому месту, откуда может забраться на верхнюю балку, и начинает отворачиваться.

– Я ни слова не говорила о том, чтобы красть золото!

Маджиано останавливается, потом поворачивается ко мне:

– Тогда как ты планируешь забрать его, любовь моя?

Я улыбаюсь. Воспоминание искрой пролетает в мозгу: холодная, дождливая ночь; мой отец разговаривает внизу с каким-то незнакомцем; я сижу на ступеньках и представляю себя на своем насесте королевы на балконе. Я моргаю. Это давнее желание проносится по мне порывом штормового ветра.

– Просто. Мы заберем трон у королевы Джульетты и Оси Инквизиции. Тогда королевская сокровищница Кенеттры будет нашей по праву.

Маджиано хлопает глазами. Потом начинает смеяться. Смех его становится громче, на глазах выступают слезы, наконец он останавливает сам себя, чтобы не задохнуться. Когда парень успокаивается, щелочки его глаз поблескивают в темноте. В наступившей тишине я продолжаю наседать:

– Если ты присоединишься к нам и мы захватим трон королевы Кенеттры, тогда у мальфетто будет правитель такой же, как они сами. Мы сможем остановить Терена, жаждущего нашей крови. У тебя будет больше золота, чем ты когда-либо мечтал. Ты сможешь купить себе тысячу лютней, усыпанных драгоценными камнями. Обзавестись собственным островом или замком. О тебе будут вспоминать как о короле.

– Я не хочу быть королем. Слишком много обязанностей.

Однако ответ этот дан не от чистого сердца, и парень не двигается. *Он обдумывает мой план.*

– Тебе не придется отвечать за все. Помогите мне завоевать корону и спасти страну, и у тебя будет все, чего ты когда-либо желал.

Снова тягучая тишина. Взгляд Маджиано падает на мою маску.

– Сними ее, – тихо произносит он.

Такого ответа я не ожидала. Он выигрывает для себя немного времени на обдумывание, отвлекая меня. Я качаю головой. Сколько всего случилось, но я все равно страшусь мысли о том, чтобы открыть новому человеку свое самое слабое место.

Лицо Маджиано меняет выражение, как мерцающая свеча, и взгляд становится чуть менее диким. Этот парень как будто понимает меня.

– Сними маску, – шепчет он. – Я не собираюсь оценивать, насколько страшны оставленные болезнью отметины, но и работать с тем, кто прячет от меня лицо, не стану.

Виолетта кивает, я поднимаю руки и вожусь с завязками на затылке. Узел ослабевает, маска сползает с лица и повисает у меня на руке. Холодный воздух ударяет по шраму. Я заставляю себя смотреть на Маджиано и собираюсь с духом, чтобы принять его реакцию. Если я намерена сформировать вокруг себя новую Элиту, нужно заручаться их доверием.

Маджиано приближается ко мне и долго в меня вглядывается. Я вижу медово-золотистые крапинки в его глазах. Ленивая усмешка медленно вползает на его лицо. Он ничего не говорит о моих отметинах, а вместо этого задирает нижний край своей шелковой рубашки и обнажает часть бока.

Я делаю резкий вдох. Ужасный шрам ползет змеей по его коже и скрывается под рубашкой. Мы встречаемся глазами, и наступает момент полного понимания и принятия друг друга.

– Пожалуйста, – говорю я, понизив голос. – Я не знаю, что происходило с тобой в прошлом и как выглядит целиком твоя отметина. Но если обещание золота не прельщает тебя, тогда подумай о миллионах мальфетто в Кенеттре, которые умрут в ближайшие месяцы, если кто-нибудь не спасет их. Ты вор, так что, вероятно, у тебя свой кодекс чести. Найдется ли в твоём сердце место сожалению о смерти таких же, как мы?

Что-то в моих словах задевает Маджиано, и он устремляет взгляд вдаль. Через мгновение парень откашливается и говорит:

– Ты знаешь, это ведь только слухи. Эта история про камни из королевской короны.

– Камни из короны?

– Да. – Он смотрит на меня. – Драгоценные камни из короны королевы Кенеттры. Я их не крал. Я пытался, но ничего не вышло.

Я смотрю на него внимательно. Баланс нашего разговора куда-то сместился.

– И ты до сих пор хочешь заполучить их, – заключаю я.

– Что мне сказать? Это слабость.

– Так что ты решил? Присоединишься к нам?

Маджиано поднимает унизанный золотыми кольцами палец:

– Где гарантия, что ты сдержишь свое обещание, если я помогу тебе добиться желаемого?

Я пожимаю плечами:

– Ты собираешься всю оставшуюся жизнь подворовывать драгоценности и вести азартные игры в Меррутасе? Сам ведь недавно сказал: чего бы только ты не сделал, если бы познакомился со мной раньше! Так вот теперь у тебя есть шанс.

Маджиано смотрит на меня с улыбкой, в которой, очень похоже, заключено сожаление.

– Девушка, которая станет королевой, – задумчиво произносит он. – Боги играют в забавные игры.

– Это не игра, – прерываю его я.

Наконец Маджиано поднимает голову и возвышает голос:

– Я тебе кое-что задолжал. И для меня это не игрушки.

Молча смотрю на него, вспоминая вчерашний вечер, когда Маджиано завязал с нами разговор, чтобы поблагодарить за спасение его компаньона-мальфетто.

Маджиано протягивает руку в моем направлении:

– Если ты хочешь одолеть инквизицию, надо иметь целое войско за спиной. А если ты рассчитываешь обзавестись верными сторонниками, нужно создать репутацию. Я не стану следовать ни за кем, пока не удостоверюсь, что этого человека стоит поддерживать.

– Что мы можем сделать, чтобы убедить тебя?

– Победить меня в гонке. – Маджиано улыбается.

– В гонке?

– Сыграем в небольшую игру. Я даже позволю вам начать первыми. – Улыбка Маджиано приобретает зловещий оттенок. – Этим городом управляет человек по имени Ночной Король. У него много солдат, есть и секретная армия, состоящая из десяти тысяч наемников, которые рассредоточены по всему острову. Вы могли видеть, как его люди в форме с нарукавными нашивками в виде луны с короной патрулируют улицы.

Я складываю на груди руки:

– Видела.

– Это самый страшный человек в Меррутасе. Говорят, всякий раз, как он обнаруживает в рядах своих людей предателя, он заживо сдирает с этого человека кожу, и из этой кожи для него шьют накидку.

Представляю себе эту картину, и мурашки ползут... не только от ужаса, но и от восхищения. «Родственная душа», – произносит шепоток.

– Какое отношение это имеет к нам? – спрашиваю я, повышая голос, чтобы заглушить гнусное бормотание внутри.

– Завтра утром я намерен проникнуть в поместье и избавиться его от дорогой булавки с бриллиантом, которую он всегда носит на воротнике. Если вам удастся украсть ее раньше меня... тогда я присоединюсь к вам. – Парень отвечает мне насмешливый поклон, чем заставляет меня покраснеть. – Я берусь только за стоящие дела и хочу убедиться, что вы поняли, насколько рискованно это предприятие.

Ни меня, ни Виолетту опытной воровкой не назовешь. Я могу сделать так, что мы станем невидимыми, но мои способности еще несовершенны. А если поймают? Воображение рисует картину: нас привязывают к столбу и сдирают кожу.

Это того не стоит.

Маджиано усмехается, глядя на выражение моего лица:

– Ты слишком напугана.

Зашевелился и шепоток в моей голове, поддразнивает: «У Ночного Короля под началом десять тысяч наемников. На что готова пойти ты, чтобы иметь в своем распоряжении столько людей?» Я встряхиваю головой – шепоток умолкает, оставляя меня наедине с размышлениями о предложении Маджиано. Это одна из его игр, излюбленный трюк, может быть, даже вызов, брошенный самому себе. Я внимательно смотрю на затейника, подыскивая правильный ответ. Смогу ли я и правда добраться до приза прежде, чем его унесет Маджиано? Не знаю. Сила и скорость – две разные вещи.

– Кстати, я даю тебе этот шанс только потому, – беззаботным тоном говорит Маджиано, – что ты помогла мне сбежать из Башни инквизиции.

– Какое великодушие, – сухо отзываюсь я.

Маджиано лишь смеется – звонко, переливчато и протягивает мне кисть со множеством украшений.

– Значит, по рукам?

Он мне необходим, и мне нужна моя маленькая армия. Даже Виолетта прикасается к моей руке и подталкивает ее к руке Маджиано. Так что поколебалась я еще всего секунду.

– Да, – пожимаю я его руку.

– Хорошо. – Маджиано кивает. – Я дал тебе слово.

Окраины Эстенции, холодное раннее утро. Вдоль окружающих город стен стоят десятки полуразвалившихся домишек, сооруженных из камней и дерева, вечерний дождь забрызгал их грязью. Между ними ходят мальфетто.

Тут и там разбросаны скопления грязно-белых шатров. Это сторожевые посты инквизиции.

Терен Санторо растянулся на длинном диване в своем личном шатре и смотрит, как одевается королева Джульетта. Его глаза блуждают по ее спине. Королева сегодня исключительно хороша, как, впрочем, и всегда. Она одета в блестящий голубой костюм для верховой езды, черные локоны собраны в высокую прическу. Терен наблюдает, как Джульетта аккуратно прищипливает выбившиеся завитки волос. Минуту назад они свободно болтались по ее плечам, щекотали его щеки, скользили мягким шелком сквозь пальцы.

– Ты сегодня утром инспектируешь лагерь мальфетто? – спрашивает королева.

Это первые слова, с которыми она обратилась к нему с тех пор, как зашла в шатер.

– Да, ваше величество, – кивает Терен.

– Как у них дела?

– Очень хорошо. После того как мы выселили их за пределы города, мои люди привлекли их к работам на полях и заняли плетением. Они очень толковые...

Джульетта поворачивается так, чтобы Терену был виден ее профиль. Она улыбается ему и перебивает:

– Нет. Я спросила, как у них дела?

– Что вы имеете в виду? – Терен в замешательстве.

– Когда я проезжала мимо палаток сегодня утром, то видела лица мальфетто. Они изможденные и с запавшими глазами. Ваши люди кормят их так же хорошо, как эти люди работают?

Главный Инквизитор хмурится, потом резко садится. В утреннем свете на его груди четко вырисовывается лабиринт белесых шрамов.

– Их кормят достаточно для того, чтобы они продолжали работать. И не более того. Я бы вообще не стал расходовать пищу на мальфетто, если бы не был вынужден.

Джульетта склоняется к нему и кладет руку на его живот, потом пробегает пальцами по груди до ямочки между ключицами. На коже Терена остается жгучий след, сердце бьется чаще, и на мгновение он вообще забывает, о чем они говорили. Она прикасается губами к его губам. Он жадно льнет к ней, подносит руку сзади к ее нежной шее и пытается притянуть женщину к себе.

Джульетта отстраняется. Терен ошалело смотрит в ее глубокие темные глаза.

– Голодные рабы – это плохие рабы, мастер Санторо, – шепчет она, трепля его волосы. – Вы их недостаточно кормите.

Терен моргает. Мало у нее забот, что она интересуется благополучием своих рабов?

– Но, Джульетта, – начинает он, – их всегда можно заменить.

– Прямо сейчас?

Терен глубоко вздыхает. С момента гибели Энцо на арене и официального вступления Джульетты на трон она отходит все дальше от его первоначального плана. Кажется, она совершенно перестала ненавидеть мальфетто, а он думал, что ее это занимало.

Но сегодня ему не хочется спорить с королевой.

– Мы очищаем от них город. Каждого умершего мальфетто мы просто заменим новым, привезенным из другого места. Мои люди уже разыскивают мальфетто в других...

– Мы не очищаем от них город, – возражает Джульетта. – Мы наказываем их за то, что они такие отвратительные, за то, что они приносят нам несчастья. У этих мальфетто есть семьи внутри городских стен. И некоторые из них недовольны происходящим. – Она с брезгливостью кивает в сторону входа в шатер. – Вода у них в корытах грязная. Это только дело времени, но рано или поздно все в этих лагерях заболеют. Я хочу, чтобы они покорились судьбе, а восстания мне ни к чему.

– Но...

Взгляд Джульетты становится тяжелым.

– Кормите и поите их, мастер Санторо, – повторяет она.

Терен качает головой. Ему стыдно, что он вздумал спорить с королевой Кенеттры, которая настолько чище его. Он опускает глаза и склоняет голову:

– Конечно, ваше величество. Вы абсолютно правы.

Джульетта расправляет складки на запястьях.

– Хорошо.

– Вы посетите меня вечером? – тихо спрашивает Терен, когда королева встает с дивана.

Джульетта бросает на него небрежный взгляд:

– Если я захочу видеть вас сегодня вечером, то пришлю за вами кого-нибудь.

Она отворачивается и покидает шатер. Полотнище, прикрывающее вход, опускается за нею с глухим хлопком.

Терен не поднимает головы, пока королева выходит. Конечно, он дает ей уйти. Она – королева. Но на сердце у него тяжело.

Что, если я расстроил ее и она найдет кого-нибудь другого?

От этой мысли больно в груди. Терен выбрасывает этот образ из головы, встает и берет рубаху. Остаться здесь он больше не в силах, ему надо двигаться, идти куда-нибудь и думать. Он надевает доспехи, потом выходит из шатра и кивает стражнику снаружи. Тот кивает в ответ, делая вид, что не заметил происшедшего между Тереном и королевой.

– Собери моих капитанов, – говорит Терен. – Я буду в храме. Пусть ждут меня снаружи, мы обсудим сегодняшнюю инспекцию.

Стражник быстро кланяется. Он слишком напуган, чтобы долго смотреть в бледно-голубые глаза начальника.

– Будет сделано, сэр.

Храмы, посвященные разным богам, пристроены к стенам через каждую милю. Входы в них отмечены каменными колоннами с крыльями, вырезанными на потолке. Не обращая внимания на привязанного возле шатра коня, Терен пешком отправляется к ближайшему. Грязь забрызгивает его белые сапоги. Дойдя до храма, Главный Инквизитор поднимается по ступенькам и вступает в его прохладное нутро. Там нет ни души, еще слишком рано.

По обеим сторонам прямого, вымощенного мрамором прохода стоят двенадцать статуй богов и ангелов. В начале дорожки выставлены чаши с ароматизированной жасмином водой. Под взглядами богов, устремленных на него отовсюду, Терен опускается на колени в центре храма. Тишина. Только время от времени раздается перезвон курантов, установленных снаружи у входных дверей.

– Я виноват, – наконец произносит Терен.

Взгляд его устремлен в пол, глаза, и без того светлые, будто совсем утратили цвет. Слова мечутся эхом между статуями и колоннами, пока не становятся неразличимыми.

Терен колеблется, не зная, что сказать дальше.

– Я не должен был спорить с королевой, – добавляет он через несколько мгновений. – Это оскорбляет богов.

Никакого ответа.

Инквизитор хмурится и продолжает свою речь:

– Но вы обязаны помочь мне. Я знаю, что ничем не лучше живущих в лагерях негодяев-мальфетто и должен слушаться ее величество. Но моя миссия – освободить страну от этой нечисти. Королева... В ее сердце столько любви. Кроме того, ее брат был мальфетто. Она сама не понимает, насколько важно для нее самой как можно скорее покончить с ними. С нами.

Терен вздыхает.

Статуи стоят молча. За спиной Инквизитора раздаются тишайшие шаги учеников жреца – они приносят новые чаши с водой и жасмином. Терен неподвижен. Его мысли переносятся от Джульетты и мальфетто к тому утру на арене в Эстенции, когда он пронзил мечом грудь принца Энцо. Он редко сожалел о тех, кого убил, но Энцо... Терен до сих пор помнит ощущение от клинка, врубающегося в плоть, и ужасный предсмертный вздох принца. Ему не забыть, как Энцо рухнул к его ногам и крапинки ярко-красной крови усеяли сапоги.

Терен качает головой, не понимая, почему смерть Энцо не дает ему покоя.

К нему приходит воспоминание из детства, золотые денечки до лихорадки... Терен и Энцо, оба еще мальчишки, наперегонки выбегают из кухни и мчатся к дереву за дворцовыми стенами. Они хотят забраться на верхушку. Энцо, а он был старше и выше, достиг цели первым. Он протягивает Терену руку помощи, подтаскивает его и, смеясь, указывает на океан. «Отсюда видно балир», – говорит маленький принц. Они развернули прихваченные с кухни мясные обрезки и нанизали их на ветви. А потом сидели и восхищенно наблюдали, как пара соколов пикировала вниз, чтобы схватить пищу.

В тот вечер отец хотел наказать Терена за опоздание на тренировку солдат инквизиции, принц Энцо встал между своим приятелем и нависающим над ним Главным Инквизитором.

«Позвольте мне привести в чувство своего сына, ваше высочество, – сказал отец. – Солдату не пристало склоняться к лени».

«Он выполнял мои приказания, сэр, – ответил Энцо, приподняв подбородок. – Это моя ошибка, не его».

Тогда отец отпустил Терена.

Воспоминания теряют отчетливость. Терен еще долго стоит на коленях, металл доспехов врезается в кожу так, что открывается кровотечение, но раны немедленно заживают. Он поднимает взгляд на статуи богов, пытаясь разобраться в сумбуре своих мыслей и чувств.

– Поступил ли я правильно, – тихо вопрошает он, – убив вашего наследного принца?

Появляются помощники жреца – мальчик и девочка в храмовых одеяниях – и кладут к ногам статуй свежие цветы. Терен с улыбкой наблюдает за детьми. Заметив форму Главного Инквизитора, малышка краснеет и делает реверанс:

– Простите, что прервала вашу молитву, сэр.

Терен отмахивается от ее извинений:

– Подойди сюда.

Девочка подходит. Он берет из ее корзинки цветок, любуется им и затыкает за ухо девочке. Она прекрасна – это безупречная красота, без каких-либо отметин, у нее копна золотисто-рыжих волос и огромные невинные глаза.

– Ты хорошо служишь богам, – говорит Терен.

– Благодарю вас, сэра. – Девочка лучезарно улыбается ему.

Терен мягко кладет руку на голову девочки и отпускает ее, а потом следит, как она быстро догоняет мальчика.

Он борется ради того, чтобы защитить этот мир от таких монстров, как он сам. Терен снова бросает взгляд на статуи, уверенный, что, послав этих детей, боги подсказали ему, что нужно делать. «Я поступил правильно. Не может быть, чтобы я ошибался». Ему осталось только убедить Джульетту, что он делает это ради ее трона. Потому что любит ее.

Наконец Терен поднимается, поправляет накидку, доспехи и идет к выходу. Распахивает дверь. Его окатывает волной солнечного света, белая накидка и доспехи купаются в золоте. Перед ним – море шатров и полуразвалившихся хибарок. Он смотрит без всякого интереса, как двое инквизиторов волокут по грязи тело мальфетто, забитого кнутом до смерти, потом швыряют в огромный пылающий костер.

Несколько капитанов уже дожидаются начальника внизу лестницы. Завидев его, они вытягиваются в струнку.

– Уполовиньте рацион мальфетто, – говорит Терен, надевая перчатки. Его радужки на свету снова стали яркими. – Я хочу, чтобы зачистка окончилась поскорее. Не говорите ничего королеве.

Это соглашение, составленное 11 тоберия 1315 года, подтверждает, что сэр Марцио Далийский может вести поднадзорную торговлю с его высокопреосвященством Ночным Королем Меррутаса, имея в виду, что непредоставление его высокопреосвященству восьмидесяти процентов вырученной прибыли повлечет за собой арест и наказание.

Соглашение между сэром Марцио Далийским и Ночным Королем Меррутаса

Как и со всем остальным, что касается Чародея, брошенный им вызов, вероятно, всего лишь очередная уловка.

– Он сказал, что начнет действовать завтра утром, – напоминает мне тем же вечером Виолетта.

Мы сидим на полу в маленькой комнате таверны на окраине Меррутаса и упражняемся, как всякий вечер.

– Он возьмется за дело раньше. – Я свиваю из тьмы маленькую ленточку и заставляю ее приплясывать. – Обманщики никогда не говорят правды.

– Тогда что нам делать? Если мы хотим обыграть его, у нас совсем мало времени.

Я качаю головой, концентрируюсь на превращении темной ленты в крошечную танцующую фею. Ее лицо я прорабатываю со всей возможной тщательностью.

– Запомни, – говорю я, – наша цель состоит не в том, чтобы украсть бриллиантовую булавку раньше Маджиано. Наша цель – убедить его в том, что ему стоит примкнуть к нам.

Виолетта наблюдает за тем, как я изменяю иллюзию танцующей феи: горблю ей спину, а вместо прекрасных волос приделываю к голове ужасные шипы, и она становится отвратительным монстром.

– Ты думаешь о его словах, да? – немного погодя спрашивает сестра. – О Ночном Короле, у которого под рукой десять тысяч наемников и армия солдат, и о том, как тебе хотелось бы иметь такую поддержку.

– Откуда ты знаешь?

Виолетта робко улыбается мне, кладет подбородок на руки и с восхищением смотрит на мою иллюзию.

– Я знаю тебя всю жизнь, моя Аделинетта. И я считаю, Маджиано намеренно сказал тебе об этих наемниках.

– И для чего же?

– Возможно, хочет, чтобы ты переманила их на свою сторону.

Продолжая возиться с иллюзией, я погружаюсь в уютную тишину. Монстр постепенно превращается в гладкую и блестящую золотую лань, любимое животное Виолетты. Улыбка сестры становится шире, и это побуждает меня сделать зверюшку еще более милой.

– Маджиано заносчив, – говорю я. – Если мы действительно хотим расположить его к себе, то одной кражи булавки будет мало. – Я снова смотрю на Виолетту. – Мы должны удивить его своими способностями.

Виолетта отрывает взгляд от золотой лани и, выгнув бровь, смотрит на меня:

– И как же нам это сделать? Ты слышала Маджиано. И солдат на праздновании Средолетия тоже видела. Они все запуганы Ночным Королем. Он правит с помощью страха.

При этих словах золотой мех лани чернеет, а в ее глазах появляется алое свечение. Виолетта инстинктивно сжимается и отстраняется от этого зрелища.

– Я тоже, – отзываюсь я на слова сестры.

Виолетта понимает, что я намерена сделать. Она тихонько смеется – одновременно напряженно и восхищенно, а потом качает головой:

– Ты всегда хорошо играла в игры. Я никогда не могла победить тебя.

«Не так уж я хороша в этом, – думаю я, хотя слова сестры согревают меня и я благодарна ей. – Я пыталась играть по правилам Терена против него и потеряла все».

– Аделина, – шепчет Виолетта на этот раз очень серьезно, – я не хочу никого убивать.

– Ты и не будешь. – Я беру ее за руку. – Мы просто покажем, на что способны. Наемников можно убедить повернуться против нанимателя. Если нам удастся показать, насколько мы сильнее Ночного Короля, если мы заставим его бояться нас, а люди это увидят, некоторые могут забыть о верности и последуют за нами.

Виолетта поднимает глаза и ищет мой взгляд. Смотрит она виновато, потому что однажды оставила меня одну, не помогла защититься.

– Ладно.

Это ее способ сказать, что больше она меня не предаст. Я жму ей руку и откидываюсь назад.

– Поехали дальше, – говорю я Виолетте. – Забери мою силу.

Сестра протягивает руку и тянет идущие от меня нити энергии. Созданная мной иллюзия сильно колыхается. Когда Виолетта применяет свою силу, создается ощущение, будто невидимая рука сжимает мне горло и выпускает из меня всю энергию. Она держит крепко – моя иллюзия растворяется. Я пытаюсь развернуть свои способности, но не могу сделать этого. В горле пузырится паника – знакомое чувство страха при мысли, что я больше никогда не сумею себя защитить и теперь открыта на обозрение всем.

Не паникуй. Я напоминаю себе о нашем уговоре и принуждаю себя успокоиться.

– Продолжай, – говорю я сквозь сжатые зубы.

Я должна позволить ей сделать это, ей нужно практиковать выносливость.

Секунды ползут медленно, а я продолжаю бороться с паникой, пытаюсь привыкнуть к новому ощущению. В нем есть налет облегчения, да. Отсутствие темноты и колючих шепотков в ночи. Но без силы я чувствую беспомощность и скатываюсь по спирали к той прежней Аделине, которая сжималась в комок при виде отца. Снова и снова я пытаюсь добраться до своей энергии. И снова и снова не обнаруживаю ничего, кроме пустого пространства, в котором раньше был пруд пенящейся тьмы. Минуты проходят.

Наконец я чувствую, что больше не могу этого выдержать, и сдавленным голосом говорю:

– Прекращай.

Виолетта выдыхает.

Силы возвращаются ко мне, от облегчения тело мое расслабляется, меня снова затопляет поток энергии, наполняя болью каждый уголок в груди. Мы обе в изнеможении откидываемся назад. Глядя на Виолетту, я слабо улыбаюсь.

– Долго это продолжалось? – спрашивает Виолетта, когда ей удается выровнять дыхание.

Она выглядит бледной и хрупкой, так бывает всегда, после того как она применяет свои силы, а щеки у нее неестественно красные.

– Дольше, чем вчера. Это было хорошо.

Честно говоря, мне бы хотелось, чтобы она училась быстрее, чтобы мы как можно скорее смогли снова столкнуться с Тереном. Но, практикуясь с Виолеттой, мне нужно быть осторожной, чтобы сберечь ее здоровье. Я продвигаюсь вперед медленно, мягко, постоянно подбадривая ее. Может быть, я поступаю так, потому что побаиваюсь сестру, ведь она обладает такой силой, от которой у меня нет защиты. Кроме того, именно Виолетта отчасти в ответе за все те унижения и обиды, которые я переносила в детстве, за то, что меня все время держали в тени, не объясняя причин. Если бы она не была моей сестрой, если бы я не любила ее, если бы у нее было не такое доброе сердце...

– Так что мы будем делать? – спрашивает Виолетта.

Я поворачиваюсь в сторону дворца Ночного Короля. В глаза бьет свет заходящего солнца. Прищуриваюсь. Почуввав ход моих мыслей, шепотки в голове пробуждаются и начинают возбужденно подергиваться и чирикать, распахивая мои мысли, и вот они уже толпятся в каждом темном уголке сознания. На этот раз я к ним прислушиваюсь. Это мой шанс отправить сигнал инквизиции, что я приду за ними, что они не сокрушили меня, и я говорю:

– Мы заставим Ночного Короля трепетать у наших ног.

* * *

Жаркий и влажный вечер, город поблескивает под лучами заходящего солнца. Мы с Виолеттой проходим по задымленным улицам и поднимаемся на холм, с которого открывается вид на роскошное поместье с садом, расположенное в центре города. С каждого балкона свисают серебристо-голубые флаги с изображением увенчанной короной луны. Это главная резиденция Ночного Короля.

Я понимаю, почему Чародей выбрал именно такой вечер для кражи булавки. Жарко, а потому все едят и прохлаждаются на улице, а когда во дворе полно народу, вору легче работать. Не приходится сомневаться, что в дворцовом саду сейчас суетится множество слуг, которые накрывают столы к ужину.

Мы с Виолеттой притаились в тени выстроившихся в ряд деревьев. Смотрим на стражников, расставленных вдоль ограды поместья. Ближе к подножию холма, у главного входа дежурят солдаты.

– Через стену нам не перелезть, – шепчу я, – так, чтобы не привлечь к себе внимания.

Если бы с нами была Ветроходец, она бы легко забросила нас на стену, но с Обществом Кинжала мы разошлись, и теперь я могу рассчитывать только на собственные силы.

– Смотри, – шепчет Виолетта и прикасается к моей руке.

Она указывает на главный вход внизу. У ворот собирается группа юных танцовщиц. Они ждут, когда им позволят войти, хохочут и переговариваются с охранниками.

– Давай поищем другой путь, – бормочу я.

Не по душе мне их вид. Затеяливые прически и разноцветные шелка слишком сильно напоминают о Дворе Фортуны – о чувственных принцах, способных загипнотизировать толпу одним взмахом ресниц. Когда-то я водила знакомство с такими.

– Ты хочешь растратить всю свою энергию, чтобы сделать нас невидимыми на несколько

часов? – спрашивает Виолетта. – Так легче всего попасть внутрь. Ты говорила, Раффаэле тренировал тебя, пока ты находилась в...

– Знаю, – прерываю я ее, может быть, немного резче, чем намеревалась.

Потом качаю головой и смягчаю голос. Она права. Если мы хотим пробраться внутрь, надо притвориться танцовщицами и покетничать с охраной.

– Но у меня никогда не получалось так очаровывать клиентов, как это делал Раффаэле, – признаюсь я. – Я всегда играла роль новичка, которому ничего не нужно говорить.

– Это не так уж трудно, правда.

Я гляжу на нее испепеляющим взглядом:

– Может, и нет, для такой мальфетто, как ты, непомеченной.

Виолетта приподнимает подбородок и глядит на меня задорно-лукавым взглядом. Точно так же она смотрела на отца, когда ей чего-нибудь хотелось.

– Ты сильна, моя Аделинетта, – говорит она, – но харизма у тебя, как у подгорелого картофельного пудинга.

– Люблю подгорелый картофельный пудинг. Он с дымком.

Виолетта выкатывает глаза:

– Я не о том. Не важно, что любишь ты, важно, что любят другие. Тебе нужно только слушать и смотреть, отчего люди делаются счастливыми, и давать им это.

Я вздыхаю. Возможно, Виолетта не способна лгать о важных вещах, но очаровывать она умеет. Мой взгляд задерживается на танцовщицах у ворот, и с тяжелым чувством я представляю нас в этой компании. Слишком много воспоминаний о Дворе Фортунаты. «Я работаю только со стоящими людьми», – сказал Маджиано. Если мы не переживем сегодняшнюю ночь, значит не заслуживаем его внимания.

А что, если верность Маджиано не стоит всего этого? Разумеется, найдется множество других из Элиты, менее значительных, зато они присоединятся к нам, не заставляя рисковать жизнью в игре с Ночным Королем. У Маджиано, вероятно, самая громкая и недобрая слава, но он вынуждает нас лезть в змеиную нору, чтобы завоевать свое расположение.

Потом я вспоминаю блеклые, безумные глаза Терена, возвращаюсь мыслями к сцене убийства на арене, к смерти Энцо и насмешкам Терена. Вполне вероятно, что только Маджиано по силам справиться с Тереном. Если я намереваюсь вернуться в Кенеттру, негоже мне являться туда с горсткой элитного сброда. Мне нужны лучшие. Так что речь идет не об одном только Маджиано, а о том, чтобы лишить силы Ночного Короля и собрать собственную армию.

«Тебе нужно быть храброй», – звучит шепот в голове.

Я начинаю сплетать иллюзию над отмеченной шрамом стороной своего лица и бормочу:

– Отлично. Я достану тебя.

В момент нашего появления у ворот стоят шесть стражников. Я сразу вижу, что большинство из них бывалые солдаты, слишком опытные, чтобы поддаться чарам двух симпатичных танцовщиц. Я набираю в грудь воздуха и поправляю шелковую повязку на волосах. Виолетта повторяет мои движения. Мы приближаемся к воротам, в это время стражники проверяют по очереди каждую танцовщицу. Нескольких они вытолкали из группы. Одну девушку солдат тащит за волосы. Та визжит.

– Никаких мальфетто, – говорит он танцовщицам, кладя руку на рукоять меча. – Распоряжение Ночного Короля.

Потом его взгляд падает на Виолетту. Моя сестра не встает на задние лапки, как

остальные, а вместо этого застенчиво и с выражением полнейшей невинности на лице смотрит на солдата, а потом неохотно к нему приближается.

Служивый замирает на мгновение и окидывает ее беглым взглядом.

– Новая девушка, – говорит он, и огонек его взгляда, скакнув на меня, возвращается к сестре. – Эта симпатичная. – Солдат оглядывается на своего товарища, будто ища одобрения. – Сегодня что-то слишком много золотистых волос будет окружать Ночного Короля. Как насчет этой?

Другой вояка восторженно глядит на Виолетту. Сестра нервно сглатывает, но отвечает им скромной улыбкой. Я уже видела много раз, как она таким манером завоевывает сердца кавалеров.

Наконец первый солдат кивает и дает отмашку:

– Пойдешь внутрь.

– Это моя сестра. – Виолетта кивает на меня. – Пожалуйста, пропустите нас вместе.

Солдат переключает внимание в мою сторону. Замечаю в его глазах искру желания, когда он оценивает мою красоту: не такая милая, но более порочная версия Виолетты. Я шагаю вперед, расправляю плечи, настраиваюсь на серьезный тон и говорю:

– Вы не можете взять мою сестру, а меня оставить здесь.

Я вспоминаю манеру Раффаэле склонять голову набок и повторяю его жест, при этом открыто улыбаясь стражникам. Улыбка у меня не такая, как у Виолетты, – мрачноватая, менее наивная, многообещающая.

– Вместе мы выступаем лучше. – Я беру Виолетту под руку. – Ночной Король не будет разочарован.

Остальные солдаты гогочут, а первый задумчиво рассматривает меня.

– Занятная вы парочка, – бормочет он. – Ну хорошо. Не сомневаюсь, Ночной Король развлечется на славу.

Я тихонько выдыхаю, и мы присоединяемся к группе отобранных танцовщиц. Стражники открывают ворота и тихой вереницей запускают нас внутрь. При этом первый солдат продолжает неотрывно следить за нами, на его лице написана откровенная зависть к Ночному Королю. Я опускаю голову и стараюсь скрыть свои мысли.

Сад за оградой освещен фонарями. В темноте пляшут светлячки, в ритм их танца вмешиваются приглушенные раскаты хохота и суета слуг. По мере приближения к центру сопровождающие нас солдаты отстают. Наконец первый солдат останавливается и поворачивается к нам.

– Вы знаете правила, – говорит он, потом вспоминает, что мы новички, и добавляет: – Заходите только туда, куда вас приглашают, никуда больше. Остаетесь на территории двора. Не прикасаетесь ни к еде, ни к вину, если только вам не предложит кто-нибудь из гостей. Я без колебаний выведу вон любую, кто устроит сцену.

После этого он кивком отпускает нас бродить по саду.

– Как ты думаешь, Маджиано удастся проникнуть внутрь? – на ходу спрашивает Виолетта.

– Уверена, он уже здесь, – шепчу я в ответ.

Мимо проходят несколько гостей, задерживаясь взглядами на наших лицах. Виолетта сладко улыбается им, и они расслабляются. Я внимательно слежу за сестрой и стараюсь следовать ее примеру.

Это работает хорошо. Мы привлекаем к себе ровно столько внимания, сколько положено

двум наемным танцовщицам. Мужчины проходят слишком близко к нам, так что их шелковые рукава касаются наших обнаженных рук. Нас заметили даже солдаты Ночного Короля, рассыпанные по двору. Один замедлил ход рядом со мной и успел погладить мое плечо. От его прикосновения я деревенею.

– Сегодня они запустили нескольких прелестных танцовщиц, – мурлычет он, приветствуя кивком меня и Виолетту.

Сестра мило краснеет, а солдат радостно сияет и продолжает обход территории. Я слишком смущена, чтобы подражать Виолетте. В последний раз от прикосновения солдата у меня на груди остался шрам.

Видя выражение моего лица, Виолетта берет меня под руку и склоняется к моему уху.

– Ты должна расслабиться, моя Аделинетта, – шепчет она, – особенно в окружении солдат.

Конечно, она права. Напоминаю себе, что здесь никто не может увидеть изувеченную сторону моего лица. Им застит глаза иллюзия красоты.

С наступлением вечера толпа во дворе уплотняется. Пока мы разыскиваем Ночного Короля, я постепенно успокаиваюсь. Виолетта указывает на двух симпатичных вельмож и, когда они замечают нас, хихикая, отворачивается. Я смеюсь вместе с ней и иду следом, а в голове непрестанно крутится вопрос: есть ли здесь шпионы Ночного Короля?

Мы обходим весь сад и наконец натываемся на его свиту.

В укромном уголке сада разговаривают и хохочут, собравшись в кружок, одетые в шелка вельможи. На траве разложены разноцветные подушки, а в центре в углублении горит веселый костер. Над ним вращается на вертеле свиная туша. Вокруг костра расставлены огромные блюда с ароматным рисом, финиками и фаршированными дынями. Сюда уже прибились несколько танцовщиц. Одни очаровывают зрителей кружением ярких шелков под стук барабана, другие сидят и смеются в компании своих покровителей.

Я мигом определяю, который из них – Ночной Король.

Среди собравшихся в круг на нем больше всего украшений, на пальцах – массивные золотые перстни, а глаза подведены черной тушью. На голове – изящная золотая корона. Стоящий справа придворный что-то шепчет государю на ухо. Слева находится один солдат, он допивает последние капли вина из кубка. Еще несколько стражников стоят поблизости, положив одетые в перчатки руки на рукояти мечей. Я рассматриваю воротник рубашки Ночного Короля.

К нему действительно прицеплена огромная, украшенная бриллиантом булавка. Удивительно, до чего же Маджиано охоч до таких чудовищных вещей. Сияние бриллианта можно заметить с другой стороны двора. Я оглядываюсь. Пока никаких признаков присутствия Маджиано.

Мы с Виолеттой приближаемся к кругу. Несколько придворных поднимают на нас взгляды, я расправляю плечи и одариваю их самой умопомрачительной улыбкой, на какую только способна. К своему удовлетворению, я получаю ответные улыбки, а глаза этих господ расширяются.

Когда мы подходим, Ночной Король смеется, потом указывает на подушки рядом с собой.

– Ночь с самыми прелестными танцовщицами в Меррутасе, – говорит он, пока мы усаживаемся и поджимаем под себя ноги. – Средолетие благоволит нам. – Подведенные черным глаза короля задерживаются на Виолетте, потом обращаются ко мне. Порядок всегда

такой. – Как вас зовут, мои любимые?

Виолетта застенчиво улыбается, я краснею. Если бы он только знал, что обе мы мальфетто.

– Ваше поместье больше не оскверняют своим присутствием мальфетто, – говорит мужчина, сидящий рядом с Ночным Королем. – Но ситуация становится все сложнее, сир. Вы слышали новости из Кенеттры?

Ночной Король улыбается ему:

– Что там поделывает новая власть?

– Главный Инквизитор Кенеттры издал указ, сир, – отвечает придворный. – Всех мальфетто уже выдворили за пределы столицы и поселили в шалашах за городскими стенами.

– И что их ждет дальше?

Ведя разговор, Ночной Король продолжает любоваться нами. Он наклоняется вперед и предлагает нам блюдо с финиками.

– Смерть, я уверен. Мы уже разворачивали корабли с беженцами-мальфетто.

– Главный Инквизитор, – задумчиво произносит Ночной Король. – Кажется, королева наделяет его довольно серьезной властью, не так ли?

Собеседник короля кивает. От вина глаза его разгорелись.

– Ну вы же знаете, что он не вылезает из ее постели. Влюблен без ума еще с тех пор, когда был мальчишкой.

Ночной Король смеется, а мы с Виолеттой поддерживаем его улыбками.

– Что ж, – говорит король, – мои поздравления ему с победой в королевском поединке.

Значит, Терен кого-то любит – он не только верный слуга Джульетты, но и ее страстный поклонник. Разве такое возможно? На моем лице замирает улыбка, и я приберегаю эту информацию про запас, вдруг когда-нибудь пригодится.

Придворный, говоривший с королем, теперь обращает свое внимание на меня. Мне хватает мгновения, чтобы догадаться, кто это. Как я раньше не сообразила!

Передо мной Маджиано. Смотрит на меня с ленивой усмешкой. Глаза у него сегодня не похожи на кошачьи – зрачки темные и круглые, а копна непослушных косичек собрана в аккуратный узел на затылке. Одет парень в роскошные шелка. Какими ухищрениями открыл он себе путь к Ночному Королю, я понятия не имею, но дикарская сторона его природы сейчас совершенно не видна. Этот господин воспитан и обходителен, как самый состоятельный аристократ, его манеры настолько изменились, что сперва я вообще не узнала в нем Маджиано. У меня такое ощущение, будто я могу читать мысли этого человека.

Ах. Вот и ты, любовь моя.

– Эта танцовщица только недавно появилась в городе, друг мой, – говорит Маджиано Ночному Королю и добродушно приобнимает его рукой за плечи. – Я видел ее раньше. Она очень хороша. Говорят, прошла подготовку при дворе.

Прячу раздражение и продолжаю краснеть. Он дразнит меня, расставляет маленькие препоны на моем пути. Ну и пусть. Я улыбаюсь ему, раздумывая, как бы выманить короля из этого круга.

– Это правда? – Ночной Король хлопает в ладоши. – Может быть, вы покажете нам?

Я обмениваюсь быстрым взглядом с Виолеттой, после чего поднимаюсь на ноги, еще раз смотрю на воротник короля, где сверкает вожденная булавка, а потом встаю перед костром и начинаю кружиться под бой барабанов.

Вызываю в памяти все, чему училась во Дворе Фортунаы. К своему удивлению, я обнаруживаю, что тело многое помнит. Завожу известный кенеттранский танец и грациозно двигаюсь вокруг костра. Другие вельможи останавливаются посмотреть на меня. Непрошеным гостем является воспоминание о Раффаэле, как он учил меня выступать, будто я в свите короля, улыбаться, застенчиво вспыхивать и танцевать. Это отвлекает меня, и вдруг сам он появляется здесь – иллюзия его руки, мягко прикасающейся к моей спине пониже талии, шелк его волос, темной сапфировой рекой рассыпавшихся по плечам. Я слышу его смех, когда он вводит меня в круг. «Терпение, моя Аделинетта», – произносит его прекрасный голос. Вот входит Энцо, а Раффаэле готовит меня к ночи при дворе, и я вспоминаю темные с алым отливом глаза молодого принца и как он любовался моей сверкающей маской.

Виолетта предостерегающе дергает нити моей энергии. С благодарностью я гляжу на нее, потом подавляю эмоциональный всплеск. Образ Раффаэле, дрогнув, исчезает. Кажется, больше никто не заметил, что я сотворила, а может, я ничего и не творила. Делаю глубокий вдох. Раффаэле тут нет. И никогда не будет, глупо с моей стороны даже желать этого. Выкидываю Общество Кинжала из головы и вновь концентрируюсь на придворных. Виолетта придвигается к Ночному Королю, что-то мурлычет ему и посмеивается. Она помогает мне отвлечь его.

Маджиано откидывается назад и следит за моим танцем. Выражение лица у него забавное. Если бы я не знала его так хорошо, то могла бы подумать, будто он и правда заморожен моими движениями.

– Обучалась при дворе, – бормочет он себе под нос, и на этот раз слова звучат слишком тихо, Ночной Король их не слышит.

Маджиано и не подозревает, что Виолетта потихоньку подрубает его силу и отдает во власть моих чар.

Я делаю в танце большой круг и мимоходом создаю иллюзию булавки с бриллиантом на воротнике Ночного Короля, затем прикрываю настоящее украшение, теперь его не видно. Когда я в первый раз обходила вокруг костра, Маджиано что-то шепнул Ночному Королю. Потом я увидела, как король аплодирует.

Я улыбаюсь. Маджиано стащил фальшивую булавку.

Ночной Король смотрит на меня. Я вспоминаю, как обращался с зачарованными клиентами Раффаэле. Опускаю ресницы и скромно склоняю голову.

Ночной Король бьет в ладоши.

– Волшебнo! – говорит он, когда я усаживаюсь на прежнее место. – Где вы остановились в этом городе, моя милая? Я бы хотел повидаться с вами еще разок.

От его голоса у меня мурашки ползут по телу, но я лишь смеюсь.

– Мы только недавно приехали, сир, и почти ничего не знаем о вас, – отвечаю я, меняя тему.

Это его веселит. Он берет меня за руку и притягивает к себе.

– Что вы хотите знать? – мурлычет король. – Я один из богатейших людей в мире. Не так ли, друг мой? – Он останавливается, чтобы бросить взгляд на Маджиано.

Тот хитро улыбается, не сводя с меня глаз:

– Ночной Король – не обычный представитель благородного сословия, милочка. – В словах Маджиано слышится подтекст, и в нем – вызов. – Он сидит на такой куче сокровищ и обладает такой властью, ради которых любой пошел бы на убийство.

Ночной Король отвечает на комплимент Маджиано усмешкой:

– Кенеттра любит торговать с нами. А нам ее товары нравятся больше, чем кому бы то ни было. Знаешь, как я добился такой веры в свое могущество? – Он обнимает меня и кивает на солдат с эмблемами на рукавах. – Я тебе расскажу. Самые свирепые наемники всегда идут на службу к сильнейшему, и они выбирают меня. Мой город кишит ими. Так что, моя дорогая, если ты когда-нибудь захочешь увидеться со мной, просто шепни об этом первому встречному на улице. Твое слово будет передано мне, и я пошлю за тобой.

Почему обладающие властью мужчины так глупеют при виде симпатичного лица? Я начинаю потихоньку сплетать иллюзию вокруг всех сидящих у костра. Она тонкая – мутноватый свет фонарей, хриплые возгласы, это иллюзия возбужденных выпивкой людей. Ночной Король протирает глаза и улыбается мне.

– Ах, любовь моя, – невнятно бормочет он. – Кажется, я сегодня немного перебрал.

«Самые свирепые наемники в мире выбирают службу у тебя, – раздается шепот у меня в голове, – потому что они еще не встречались со мной».

Наклоняюсь, чтобы поцеловать короля. Дотягиваюсь до его воротника, отцепляю настоящую булавку с бриллиантом и прячу в карман своего шелкового платья.

– Может быть, вам нужно отдохнуть, господин мой, – говорю я и встаю.

Внезапно король выбрасывает вперед руку, как хлыст, и хватает меня за запястье. Я леденею, все, кто находится рядом, тоже застывают на местах. Даже Маджиано обмер: скорость реакции Ночного Короля удивила его. Монарх силится побороть опьянение и натужно улыбается.

– Ты не уйдешь, пока я не скажу, – выговаривает он. – Надеюсь, мои солдаты объяснили тебе правила поведения внутри этого двора.

Все собравшиеся вокруг костра обмениваются нервными взглядами. Я встречаюсь глазами с Виолеттой. Сестра улавливает мой сигнал, нагибается к королю и шепчет что-то ему на ухо. Тот слушает, сдвигает брови, а потом разражается хохотом.

[Купить полную версию книги](#)